

Секретно
(гриф секретности)

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

18+

№ Е-320
„Новенький“

На 75 листах

Позывной Фанат Новенький

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67861197

SelfPub; 2023

Аннотация

Книга, в каждой главе которой отображается реальная жизнь и реальные истории бойцов спецподразделений. Книга написана в лёгкой форме и с юмором, но порой юмору нет места. Автор постарался раскрыть внутреннюю жизнь подразделения и то, как меняется мировоззрение после различных военных операций, вроде бы устойчивых ко всему ребят. Книга о сложностях службы и семейных разногласиях. Книга о любви к жизни, семье и Родине.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Знакомство	5
Глава 2. Время измеряется метрами	28
Глава 3. Три скрипа	48
Глава 4. Сушилка	65
Глава 5. 7:00	78
Глава 6. Сейф	86
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Позывной Фанат

Новенький

Предисловие

Книга изначально создавалась как краткий пересказ жизненного пути, но в определенный момент данное произведение перешло в разряд художественного, и я вас попрошу именно так к нему и относиться.

В свою очередь могу заверить, что каждый факт или глава книги являются отражением реальной истории.

Я также не указал принадлежность подразделения, в котором мы служим, потому что старался передать жизнь и специфику службы так, как её чувствует любой спецназовец или просто военнослужащий, независимо от рода войск.

Это книга о простых парнях и сложных судьбах.

С уважением к тому, что вы делаете.

«Новенький»

20.06.2019

Фанат

Глава 1. Знакомство

Задаюсь всего одним вопросом: Если бы у меня был выбор, решился бы я прожить такую жизнь ещё раз?

Ковровые дорожки в длинном коридоре с высокими стенами скрадывали шум наших шагов. В этом здании шум не любят – он может помешать мыслительному процессу, что происходит за глухими дверями множества кабинетов.

Меня переполняли эмоции. Сейчас всё решится. Никто из родных не верил в это, и вот теперь оставалось лишь несколько шагов, чтобы переступить порог. Но осознавал ли я в полной мере свой выбор?

– Разрешите?

Через плечо сопровождающего меня капитана я увидел приоткрытую дверь, за которой седовласый полковник, склонившись над столом, изучал документы. Он внимательно вчитывался в предоставленное ему личное дело сквозь очки в строгой оправе. Короткий взгляд на пришедших, утвердительный кивок, и вновь всё внимание на листы белой бумаги.

– Входите.

Мы вошли в просторный кабинет с высокими потолками и широкими окнами, дающими достаточно освещения для комфортного изучения документов в любом из его углов.

Плотные шторы удерживали подхваты, и яркие солнечные лучи падали мне на лицо, согревая, пока мы стояли в тишине. На стене висели фотографии в рамках. Одна из них сразу бросилась в глаза. На ней – группа людей в камуфляже. Снимок совсем как наш, дембельский, сделанный в Чечне, только мужики здесь с сединой на висках и выдавшие виды. Судя по местности и камуфляжу, – Афганистан. Да, точно Афганистан. Не знаю, почему, но я был в этом уверен, хотя ни разу там не был.

Полковник указал на стул справа от овального стола, вытянутого вдоль кабинета.

– Семья есть? – удерживая раскрытую папку, полковник прервал тишину.

Я знал, что вся информация перед ним. Он уже изучил её и, судя по всему, прощупывал слабые места.

– Так точно! Женат. Сын восьми и дочь четырех лет.

– Супруга знает, куда вы направляетесь? – он смотрел на меня и, казалось, не слушал ответ, а изучал реакцию на вопрос.

– Так точно. Мы говорили об этом. Жена всё понимает и поддерживает мои решения, – отвечаю сходу и вдруг ловлю себя на мысли, что отвел взгляд и не смотрю в глаза полковнику, сидящему за столом, а руки беспокойно мнут пальцы. Меня бросило в пот.

На самом деле и мама, и жена против моего выбора, но они не понимают, что так будет лучше. Они поймут это со

временем, а пока я бы не хотел провалить главное собеседование в моей жизни из-за глупого волнения.

Едва заметная улыбка промелькнула на лице полковника. Похоже, увидел, что хотел.

– Спортсмен. Увлекаетесь борьбой и футболом, так?

– Да. В поселке кроме старого футбольного поля и секции борьбы ничего нет. Также бегаю по вечерам и почти всегда на школьном дворе. У нас там турники и брусья, – попытался реабилитироваться я.

– Это я вижу. Тесты на физическое состояние вы прошли неплохо. Не сильно вас мои гоняли? – и снова этот хитрый прищур, снова проверяет на вшивость.

– Никак нет! Гоняли по всем упражнениям, что были указаны в тесте. Всё по установленной инструкции с перерывами по пять минут между упражнениями, – отчеканил я, словно заучивал эти предложения с детства.

Игорь и Володя, так назвались два крепких парня, которые принимали тесты на силу и выносливость, погоняли меня не хило. Но не буду же я ему сейчас жаловаться, что наряду с положенными восемью упражнениями, включающими кросс, подтягивания, отжимания, штангу, выпрыгивания и комплекс силовых упражнений, парни ещё устроили мне проверку на пригодность к полётам в космос. Заставили пересекать спортзал туда и обратно на время: сначала кувырками вперёд через голову, потом – через плечо, затем кувырками спиной вперёд. В итоге, когда я делал то же самое коле-

сом, моё лицо уже стало бледновато-зеленым. Хоть в спортзале и не было зеркал, но я отчетливо ощущал этот цвет.

Парни добились своего. Голова шла кругом, и подкашившую тошноту было сложно сдержать, но запас идей у этих двух жизнерадостных богатырей не иссякал. Их новая идея звучала пробежать «крокодильчиком». К этому моменту мозг отказывался что-либо понимать, поэтому Игорь с добродушной улыбкой вызвался на собственном примере показать, как это делается, а заодно устроить со мной эстафету. Если я выигрываю, то сдача нормативов заканчивается.

Как снисходительно-то, а.

Смысл в чём: надо встать в упор лежа, согнуть руки в локтях, опустив тело в крайнее нижнее положение, и, не поднимая туловища, передвигаться до конца спортзала и обратно в таком положении на четырёх точках опоры. Со стороны это действительно похоже на бег крокодилов. И, судя по тому, как Володя заливался смехом, это было очень смешно. К сожалению, не для всех...

Я хотел, чтобы сдача нормативов закончилась и пытался обогнать Игоря в состязании, но я чётко ощущал, как натянут пресс и каждое движение отдается дикой болью. Ноги после прыжков и кросса отказывались двигаться от слова вообще и лишь тянулись следом, болтыхаясь как две ленточки, привязанные к заднему бамперу машины. Руки предательски дрожали, время от времени подламываясь, и моё тело с

шумом падало на деревянный пол. Я с трудом успевал отворачивать голову, чтобы не разбить подбородок.

Казалось, за время сдачи тестов я успел изучить каждую щель потертого деревянного пола старого спортзала; поднять многолетнюю пыль в каждом его углу, и мы так полюбили друг друга, что он никак не хотел меня отпускать, притягивая к себе всё сильнее.

До финиша оставалось меньше половины. Сквозь отключающийся рассудок я слышал, как парни подбадривали меня, кричали держаться и не сдаваться. Слышал, но уже не видел. Еле поднявшись на ноги и покачиваясь, я шёл к двери. Свежий воздух и урна – автопилот искал эти две цели в окутавшем меня тумане. Кто придумал урны из гильз артиллеристских снарядов? Они хоть раз пробовали туда блевать? Да, понимаю, это не то предназначение, которому они служат, но всё же. У гильз узкая горловина, в которую чертовски сложно выплёскивать содержимое желудка! А ещё – ненавистный запах бычков. Боже, каких красок он добавлял в и так неприятные ощущения. Лишь просидев больше двадцати минут на бетонном тротуаре и обнимая урну, я смог пошевелиться. Парни великодушно помогли пересесть на скамейку и предложили зеленый чай, но меня и без него достаточно полоскало.

– Молодчик, сдал неплохо. Мы думали, ты щупленький, раньше ломаешься! – улыбаясь добрейшей улыбкой в тридцать два зуба, не сдерживая смеха, произнес Володя.

Я уже и сам знал, что сдал. Причём знал это ещё до их самодеятельности с кувырками и крокодилами. Тесты я знал наизусть и готовился к ним последние полгода, но не ожидал, что попутно должен сдать на значок Гагарина.

Ещё чем-нибудь увлекаетесь? — прервал мои воспоминания полковник.

– В шахматы люблю играть, товарищ полковник, и книги читать.

– Какие крайние книги вы читали?

– «На западном фронте без перемен» Ремарк и «451 градус по Фаренгейту».

– Неужели «451 градус по Фаренгейту» написал тоже Ремарк?

– Никак нет! Бредбери.

– А имя у него есть?

– Я в этом уверен, товарищ полковник, поэтому ответ положительный, – пытался я отшутиться, ведь имени не запомнил, хоть и держал книгу в руках меньше месяца назад.

– И какое же? – подняв голову, он ждал ответа.

Под его взором было страшно что-то выдумывать, и мне оставалось лишь честно ответить:

– У меня есть дурная привычка не запоминать лишнюю информацию. Мне более важны мысли автора, которые он хотел донести до читателя, чем его имя.

– Да? Интересно. И что же хотел нам сказать Эрих Мария Ремарк своим произведением?

– Что война одинаково ужасна для бойцов с обеих сторон. Что в обычной жизни они бы, возможно, дружили и, сломайся один на трассе, «противник» мог бы остановиться и помочь ему как человеку, попавшему в беду, а война заставляет резать и убивать, не думая, таких же простых людей, которые, как и ты, хотят вернуться домой живыми.

Следующий вопрос полковника застал врасплох.

– И это мне говорит человек, который проходил срочную службу в разведроте в Чеченской Республике, когда там было жарко и который стремится туда снова?

– Но вы ведь тоже сохранили в себе человеческие качества, хоть и были в Афганистане, – парировал я, не подумав.

Просто слово «Чечня» для каждого из тех салаг, что побывали там, звучало как выстрел и непроизвольно заставляло принимать боевую стойку, одновременно заставляя оскалиться. Наверное, это привычка, которая забилась глубоко в подсознание. Хочешь выжить, будь готов увернуться и ударить противника, пока тот не опомнился и не сгруппировался для нового нападения.

Полковник поправил очки и с легким недоумением посмотрел на меня, потом на фото на стене, на меня, и молча вернулся к документам. В короткий миг в его взгляде промелькнула тень печали.

Чувство вины стало пожирать меня. Почему не умею держать язык за зубами? Идиот. Если не возьмут, так мне и надо.

После долгой паузы он задал крайний вопрос:

– Ты осознаешь, куда идешь? – его голос звучал уже по-особенному, не так официально, даже как-то по-отечески.

Его тон сильно подействовал на меня, и я вместо четкого армейского «Так точно!» ответил:

– Да.

– Да! Да-а-а! – стиснув зубы, кричал я полушепотом, сбегая по ступеням огромного крыльца.

Друг детства, который ждал всё это время на парковке, облокотившись на крыло своей машины, смотрел на меня как на глупца и не понимал восторга. Да и вообще не разделял мыслей по поводу принятого мной решения. Он был из другого теста, но нашей дружбе это не мешало.

– Меня взяли! Прошел! – прыгая вокруг друга, я продолжал выливать поток эмоций, который скопился во мне, пока мы шли по большим, тихим и длинным коридорам.

Теперь, на улице, меня распирало от избытка чувств. Я был готов пробежать пять километров прямо в этом деловом костюме, залезть на столб, скакать через заборы, обнимать прохожих, подбрасывать их вверх и забывать ловить, убегая к следующим незнакомцам. Галстук мешал дышать, поэтому полетел в багажник. Вслед за ним я старательно уложил костюм, который до этого долгое время висел в шкафу, надеваясь лишь в особых случаях. Но сегодняшний день был круче остальных. Когда я переоделся в привычные футбол-

ку, шорты и кеды, мы с Вадимом тронулись в путь. Машина мчала домой, рассекая воздух, пейзажи в окне сменялись, но мысли о будущем неслись ещё быстрее.

– Вот зачем тебе это надо? Пошёл бы ко мне, я бы не оби-
дел, – завел Вадим старую пластинку.

Друг любил машины, любил скорость и его увлечение переросло в дело. Вадим открыл автосервис и ковырялся там целыми сутками. Его мысли были связаны с моторами, улитками, коллекторами и другой железкой для тюнинга. Он неоднократно пытался затянуть в эту трясину меня, но я отбрыкивался, потому что не разбираюсь в движках. Да, если честно, и не пытаюсь. Ну не стоит у меня на это, не стоит. Но он продолжал настаивать.

– Вместе бы подняли всё на новый уровень! Я тебе доверяю как себе, и вот этого доверия и не хватает в деле. Не на кого положиться, понимаешь? Не на кого! Все пытаются отщипнуть в свой карман, халтурят, не дорабатывают с клиентами, портят моё имя, понимаешь? А ты другой, ты ко всему с душой, и что самое главное – честен, как дурак!

Тут он не сдержался и заржал в голос, считая игру слов очень удачной.

– Честен, как дурак, – повторил он свои же слова, пытаясь их запомнить и продолжая заливаться смехом.

– Знаешь, пока ты собирал фантики от жвачек «Турбо», я взахлёб пересматривал фильм «В зоне особого внимания». Это сейчас молодежь сходит с ума по всяким человекам-па-

укам, а тогда герои были настоящие, простые люди. Мы восхищались смекалкой разведчиков, смелостью десантников и понимали, что они такие же, как мы. А эти, нынешние, сидят за компом в надежде, что их когда-нибудь ударит молния или укусит паук, и они сразу овладеют суперсилой. Нам говорили: хочешь быть здоров – бегай. Гирия была в каждом дворе! Теперь и их сдали на металлолом. Такую страну разграбили, – я с досадой смотрел на очередную заброшенную деревню, которую мы проезжали. – Все понятия подменили. Сначала выбили наше поколение, радостно крича из телевизора «Поколение Пепси!» Скармливали нам всякую дичь вместе со жвачками и джинсами, а сейчас, пока старшие пытаются выбраться из ямы, младшие предоставлены сами себе. А тут как раз и интернет подвезли, хочешь – в игрушки рубись сутками, хочешь – комедии пошлые смотри. Всё что хочешь делай, только не думай.

– Да не заводись ты так, я же шуткую. Рад за тебя, ну. У тебя всё-таки получилось. Не понимаю, конечно, но рад, что добился. А помнишь, в классе ты был самый слабый и стоял в конце строя? Даже от армии хотели освободить по здоровью. А сейчас? Спецназ! Поверить сложно, – улыбнулся Вадим.

– Просто я научился не бояться идти к мечте.

– Ты, главное, береги себя там.

– Спасибо, друг.

На горизонте показался родной поселок. Футбольное поле на въезде вновь заняли мальчишки, увлеченно гоняющие

мяч. Я вдруг понял, что скоро уеду. Поселок – идеальное место для проживания. Инфраструктура уже достаточная для полноценного развития человека как личности, и в то же время люди ещё не успели обособиться как в больших городах. Продолжают здороваться со встречными и запросто могут нагрянуть в гости без приглашения. Конечно, сомнительно считать крайний аргумент плюсом, но это однозначно делает людей ближе.

Мне будет трудно без маленького и уютного мира, где все друг друга знают. Есть что-то родное в поляне, где я ещё мальчишкой сбивал ногой одуванчики и выравнивал кочки лопатой. А гравийная дорога к дому, как всегда, успокаивающе шуршала под колесами.

– Высади меня здесь, хочу прогуляться.

Машина остановилась у края футбольной поляны.

– Ты неисправим. Давай, до завтра, – посигналив на прощанье, Вадим, как обычно, тронулся с пробуксовкой, оставив пыльное облако.

Бросив сумку рядом с обломком кирпича, имитирующим штангу, я выхватил мяч у пробегающего мимо мальчишки и полетел вперёд забивать гол, попутно показывая финты и оставляя не у дел всех на пути. Мои мысли, мои мечты – они гнали вперёд, и я должен выпустить пар перед тем, как зайти домой. Но не тут-то было! Наших мальчишек голыми руками не возьмешь. Некоторым ещё нет и двенадцати, но друг друга в обиду не дадут.

Почуяв, что так просто мяч уже не отнять, они очень быстро скооперировались, перестроились и завалили меня гурьбой, устроив кучу-малу, в которую каждый пытался навалиться всем своим весом. Смеялись все, кроме, естественно, самых нижних. Те кричали и ругались, угрожая товарищам. Ведь изначально по их коварному плану все они были на одной стороне, но, как обычно, план А внезапно перешел в план Б.

Вдыхая воздух родной улицы, домой я шёл не спеша, разговаривая с местным котом, который повадился меня проводить. Будучи котенком он был аристократичного белоснежного цвета с рыжеватой мордой. Но из-за привычки постоянно лезть в драку его короткая грубоватая шерсть стала насыщенного серого цвета, как напоминание о сотне боев, проведённых в пыли. Это борзый кот с вальяжной походкой, которого все в округе называли Беляшом.

Мы шли по пустой улице, и я поделился новостью, что скоро уезжаю. Даже дословно пересказал весь диалог в просторном и в то же время давящем значимостью кабинете, с хмурым полковником, способным сканировать взглядом насквозь.

Беляш, смотря по сторонам, шел рядом и время от времени что-то мяукал, давая знать, что слушает. Я понимал, что вести разговоры с котом глупо, но он единственный, с кем можно поделиться такой информацией. А поделиться хотелось.

Когда мы подошли к дому, в вольере заметался Рекс. Обычно овчар бегал вдоль забора, и, учуяв меня, начинал томно поскуливать. Но сегодня он носился по вольеру, сокрушая всё на своем пути.

— Рекс, хороший мой, красавчик мой, — начал я дежурное приветствие, но привычной реакции не последовало.

За забором продолжали поднимать пыль. Такое бывает, когда один доминирующий самец встречает другого, вторгшегося на его территорию. Рекс учуял наглого и дерзкого Беляша, который порой смело и чинно щеголял перед нашим забором, зная, что Рексу его не достать.

Иногда Беляш, словно испытывая терпение пса, ложился напротив него и с беззаботной мордой часами нализывал шерсть, в то время как мы и все соседи сходили с ума от бесеного лая Рекса, переходящего в обессиленный хрип.

С этой рыжей мордой у пса давние счёты. Он не какой-то дворовый пёс, которого может унижить напыщенный кот, нет, он чистокровный немец. Сейчас в его движениях проглядывалась не только злость, но и ревность. Ведь этот противный мохнатый комок грязи идёт рядом с его хозяином! Идёт так, словно это и его хозяин тоже. Рекс с нетерпением ждал у калитки знакомый щелчок затвора в надежде проскочить. Но его маневр давно изучен и не представлял угрозы для кота.

Я остановился попрощаться со своим собеседником, но тот пошёл дальше, будто во мне и не нуждался вовсе. Беляш

даже не сбавил ход, когда я окликнул его, а просто повернул ухо. Одно ухо. Левое. Как они это делают?

– Да пошёл ты сам! – с улыбкой в сердцах сказал я.

– Мяу, – донеслось от пафосного создания, не соизволившего обернуться.

– Вот выпущу Рекса, и посмотрим, как ты замяукаешь.

Но Беляш уже завернул за угол соседского дома, давая понять, что разговор окончен. Животное, одним словом.

– Рексик, Рексик мой золотой, мой мальчик, иди сюда, – пытался я усмирить пса, чтобы он не бросился вдогонку.

Закрыв калитку, я зашёл в дом. Не знаю, что я услышал первым: звук скворчащего масла или запах жаренной картошки, такой золотистой, с корочкой. Разыгравшийся после дальней дороги аппетит сразу дал о себе знать.

Милая хозяйничала у плиты, а Кудряшка сидела рядом за кухонным столом и училась нарезать зеленый лук колечками. На кухне царила гармония. Мои сладкие девчонки при деле. Однако кроме запаха вкуснейшего ужина, приготовленного хозяйкой и маленькой принцессой в воздухе витало напряжение.

– Пап, пйивет, а я лук найизаю, – воодушевленно похвасталась дочка, ведь не каждый день ей доверяют такое опасное и ответственное задание.

Она – вылитая мама. Черные локоны всегда небрежно, но по-киношному спадали на открытый лоб. В карих глазах-пуговках жил детский озорной огонёк. Длинные реснич-

ки, заставляющие умиленно смотреть в глаза не отрываясь, и черные, словно нарисованные бровки. Аккуратный носик и сногсшибательная улыбка. Именно такой улыбкой и сразила меня Милая в день нашей встречи. Они даже характером похожи: нежные, заботливые, очаровательные и такие хитрые. Когда им что-нибудь надо, пускают в ход всё обаяние. И ведь невозможно отказать. Я пытался. Тщетно.

— Ты моя сладкая, такая уже взрослая, скоро сама будешь нам с мамой завтраки готовить.

— Аха, — произносит Ралина, не отвлекаясь на мой поцелуй в щечку.

Прям что ты, что ты, деловуша, блин.

Ну, смысла оттягивать разговор нет, надо идти сдаваться любимой, которая, чувствую, специально не смотрела в мою сторону. Боялась понять по глупой улыбке, что всё прошло удачно. Наверное, ни один шеф—повар так сосредоточенно не следил за процессом приготовления блюда, как она сейчас. Даже когда я подошел со спины и, нежно обняв, притянул к себе, сделала вид, что ей нельзя отвлечься ни на секунду. Она не хотела слышать, не хотела говорить, не хотела ничего спрашивать, потому что всё уже понимала. Я не решился начать разговор об утреннем собеседовании. Друзьям я бы мог часами пересказывать каждый миг сегодняшнего дня, но только не ей и не сейчас. Знаю, что творится у неё на душе. Знаю, что она боится услышать правду.

Уткнувшись носом в её темно-каштановые волосы, я об-

рел спокойствие. Как же она вкусно пахнет. Целуя шею жены, я забывал обо всём.

– Не трогай. Опять Рекса всего залапал. Иди мой руки, кушать будем.

Она говорила со мной, и это уже хорошо.

– Я мигом, моя! – боясь разозлить её, рванул в ванную, но, спохватившись, вернулся и поцеловал умную и сдержанную жену, попутно подмигнув дочке. И, вспомнив, добавил:

– А где Богдан?

– А где может быть твой сын? Бросил рюкзак, схватил мяч и убежал к бабушке, – сердито ответила Милая.

Сын молодец, мужиком растёт.

Хотелось ответить, что, по её мнению, наверное, было бы лучше, если бы он не бегал по улицам, а сидел за компьютером круглые сутки, но я чудом сдержался. Иначе этой маленькой зацепки хватило бы, чтобы обрушить плотину и низвергнуть на себя поток слов, которые сейчас кипели в голове Милой.

– Картошка просто бомба! – обжигая рот, я нахваливал ужин. – И лучок так красиво нарезан.

– Не подлизывайся, – выдержав паузу, Милая добавила: – Что сказали?

– Сказали берут, – не поднимая глаз, я продолжил усердно работать вилкой. – Всё нормально, я им подхожу.

Реакции никакой. Тишина. Тот случай, когда отсутствие реакции намного хуже любого другого варианта развития со-

бытий! Ну скажи, что ты против, разозлился, и мы снова поругаемся, снова будем мусолить заезженную тему, что и здесь можно работу найти, что меня в любую охрану возьмут. Или скажи, что я молодец, что всё-таки добился, не зря в шесть утра уходил на пробежку, пока все спали. Нет же, молчит...

Аж бесит.

Столько эмоций внутри, а в какое русло выплескивать, непонятно. Вот и приходится жевать и надумывать. А она сидит напротив, перебирает салат вилкой и думает всякие гадости. Ну наверняка же думает.

– Пап, а знаешь чё? Мы сегодня ежика видели. Он такой майенький во двойе бегал. Мы ему молока налили в тайелочку. Ну не в тайелочку, ну в кйышку от банки, – вдруг вспомнила Ралина.

Как же она вовремя. Люблю её!

Пока они с Милой мыли посуду и стелили постель, я разобрал вещи и пошёл в душ. День был насыщенный, а впереди ждал тяжелый разговор, и мне хотелось стоять под бодрящими струйками воды как можно дольше.

– Выходи уже. Твоя принцесса уснуть не может, пока не поцелует тебя, – слышался за дверью голос Милой.

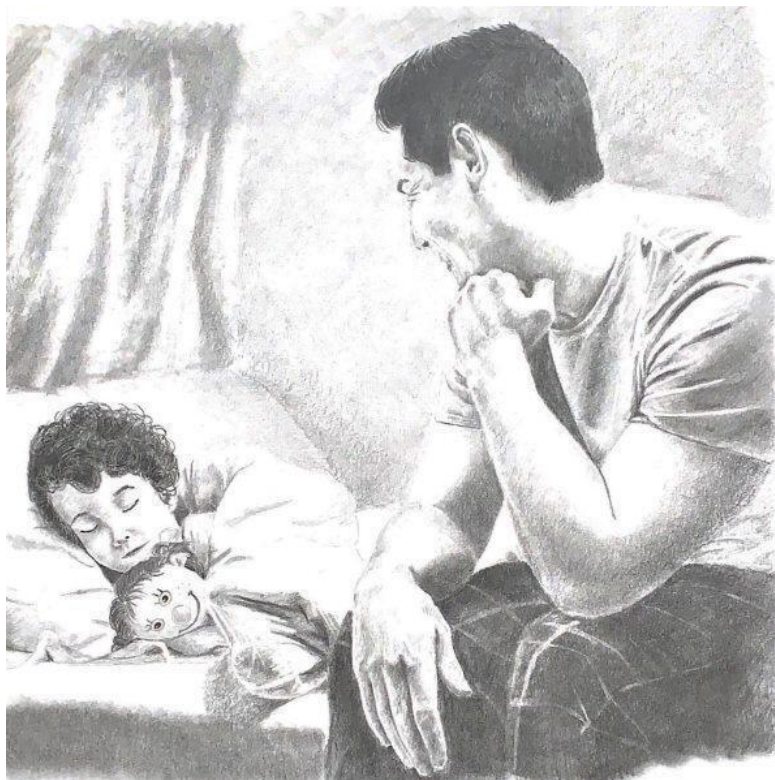
Свет в доме приглушили, и лишь ночник в детской освещал мой путь.

– Спокойной ночи, Король. Я тебе завтра ежика покажу, харашо?

– Конечно, принцесса, завтра снова его покормим, – не в

силах противостоять, согласился я.

– Аха, – кивнула в ответ Кудряшка и отвернулась спать, обняв куклу Катю.

Остаться бы ночевать в детской. Лечь прямо здесь, с доч-

кой, на уютном диванчике и прятаться до утра. А любимой сказать, мол, нашей принцессе страшно ночевать одной, боится бабайку. Нет. Не прокатит. Милая вмиг вычислит, кто настоящий трус. Трус, потому что боюсь предстоящего разговора. Ну вот как так бывает? Вроде взрослый человек, прошёл службу в горячей точке, ходил на задания в составе маленькой группы, а тут просто разговор с женщиной. Здесь даже бояться-то нечего! Противник хрупкий, физически слабее, приемами рукопашного боя и стрелковыми навыками не владеет, оружия, по разведанным, не имеется. И всё же один взгляд, один, черт побери, взгляд, и всё, ноги трясутся. А если ещё уловить в голосе нотки осуждения, то хоть с голыми руками на любую банду пойду, лишь бы подальше отсюда.

Нет-нет, я не подкаблучник, и любимая иногда разрешает кушать в зале перед телевизором, но этот взгляд...

Мне кажется, ей нужно сниматься в телевизионных шоу, где приглашают людей с экстраординарными способностями. Вот взять, например, людей, которые умеют читать мысли, так вот они просто дети по сравнению с моей! Она не просто читает мысли, она их редактирует, не вынимая из твоей головы. Причём препарирует молотком и зубилом.

Одним коротким взглядом она способна не просто прожечь тебя насквозь, а перемолоть внутренности вскипятить всё утро, и после всего безжалостно схватить за яйца и подтянуть их к глотке. И вот, когда ты, весь в испарине, сто-

ишь, вытянувшись на носочках, пытаюсь глотнуть немножко воздуха, она мягким ласковым голосом с отголоском свинца задаст любой вопрос, и попробуй ты, собака дикая, хоть на секунду замешкаться или, не дай бог, попытаться соврать – прощайся с жизнью.

«Ему бы жить да жить, да нет. Врал» – именно так напишут на надгробье.

Ладно, смысла оттягивать нет, надо идти на плаху.

Лежит, отвернулась, притворилась, что спит. Смешно. Я же знаю, что нет. Там целый вулкан эмоций сейчас кипит. Уверен, поток критики и железных доводов уже подготовлен и готов обрушиться нескончаемой лавиной, но плотина ещё держится. Пока держится.

Хоть постель достаточно широкая, но всегда, когда ей удастся лечь первой, Милая сразу пытается занять место ближе к середине, чтобы отжать большую территорию. Татарка, одним словом. А сегодня, вопреки всему, отвернувшись, легла на самый край. И хотя дома тепло, плотно укуталась в толстое одеяло, словно в бронированный кокон. Дело хуже, чем я думал.

– Не лезь, – сухое, чеканное, словно выстрел, разрежало тишину спальни в тот момент, когда рука, проскользнув под одеяло, прикоснулась к её манящей талии. – Давай спать, у меня нет настроения.

О, ещё бы. Чувствую всё негодование, что переполняет душу. Представляю, если бы она посмела мне сказать, что

уезжает надолго в командировку. Я бы даже слушать не стал, просто поднял бы её на плечо, отнес в спальню и закрыл на пару дней, пока не передумает. Без права на обжалование.

Но здесь другой случай. Перечить мужчине прямо нельзя, и она это понимает.

– Не лезь, говорю, – вновь отстраняясь, повторила она, когда мой штурм продолжился.

– Ну чего ты, Милая? Я же так соскучился по тебе.

– Ты? Ты соскучился? – в её дрожащем голосе слышалась обида.

Я ходил по краю. Поправив одеяло, посильнее обнял её и прижал к себе. Пусть знает, что чувствую её терзания.

– Да, я соскучился. Меня целый день не было дома, и я всё время думал о твоей безграничной нежности, которая согревает меня, где бы я ни был.

– Да что ты говоришь? Именно поэтому так стремишься уехать от нас подальше? – оттолкнув меня, она резко обернулась.

Мне кажется, в этот миг спальня вдруг стала яркой от искр, что летели из рассерженных глаз. Но они сразу погасли, утопая в слезах, что так предательски выдали её чувства. Знаю, она не хотела показывать слабость, не хотела обнажать уязвимость и нагружать меня своими переживаниями, но плотина рухнула. В одно мгновение из сильной и гордой девушки она вновь стала маленькой и уязвимой девчонкой, которой нужна моя сила, чтобы спрятаться от невзгод.

Притянув к себе этот всхлипывающий комок, я поцеловал его в темечко.

– Так надо, Милая. Какая же ты у меня ещё маленькая и глупенькая.

В плену своих чувств я в сотый раз наступил те же грабли. Эх, а всё так хорошо начиналось...

– Я? Я маленькая? Я глупая? Да это ты ребёнок, каких свет не видывал! Ты всё в войнушки играешь! Вот зачем тебе это, а? У тебя семья уже есть, у тебя уже дети растут, а ты!.. К чему опять это?

Как же она красива, когда злится. Особенно в мягком свете ночников, когда вот так хмурит черные бровки, когда пытается быстро говорить, чтобы успеть за мыслями. Такая забавная, такая смешная, а видели бы вы её мимику – просто загляденье.

Удар под дых вернул меня в реальность.

– Ты чего там улыбаешься? Твоя мама поседела, пока ты там служил свою срочку, тебе этого мало, теперь хочешь, чтобы и я седая ходила? Ты хоть думаешь о нас? Ты вообще думать умеешь?

– Конечно, ты же видела мой аттестат. Там всего две четверки, по русскому и литературе, и то только потому, что я не русский и нелитературный, – я накинул на лицо пафоса, пытаясь рассмешить.

– О, я в этом сильно сомневаюсь! Знаешь, можно быть умным в школе, но таким дураком по жизни, и мне кажется,

это как раз твой случай!

Понимаю, что говоришь не со зла, просто расстроена. Долгие месяцы, пока я проходил проверку, ты помогала мне, переживала вместе со мной, но чем ближе был этот день, тем сильнее ты молилась, чтобы я не прошёл отбор. Знала бы ты, как же я люблю эти надутые сладкие губки, эти щечки, когда ты, как дитё, обижаешься.

– Милая, ты же знаешь, что я всегда думаю о семье и о нашем будущем, – шептал я на ухо, поглаживая её черные длинные волосы.

Она больше не пыталась вырваться из объятий, и лишь периодически всхлипывала, уткнувшись в мою грудь.

– На сколько подписал контракт?

– На пять лет, – и почувствовав, как защемило сердце, добавил: – Но у меня будет два отпуска в году.

Она, принимая приговор, прижалась сильнее.

Глава 2. Время измеряется метрами

Стеклянный купол, гордо возвышающийся над железно-дорожным вокзалом, играл солнечными бликами, побуждая приезжих поднять голову вверх. За день через эту красоту проходят тысячи человек, получая благоприятное впечатление как о вокзале, так и о столице Башкирии.

Но это, наверное, имеет значение только для приезжающих и встречающих, а для тех, кто расстается, всё меркнет от мыслей о предстоящей разлуке.

Голуби, постоянные обитатели вокзала, беззаботно прогуливались по серой ленте перрона, рассматривая путников. Безмолвные свидетели тысяч сцен так и не смогли их понять и прочувствовать.

– Чего дрожишь? Вроде тепло на улице. Иди ко мне, глупая.

Неосознанно подчиняясь, она всё же обиженно буркнула:
– Я не глупая.

Я боялся смотреть в её глаза, понимая, что там увижу. Всеми частями тела, каждым движением, каждым вздохом она просила остаться, но, понимая тщетность своих просьб, произнесла:

– Значит, теперь ты приедешь только через десять меся-

цев? Да?

В её тихом и родном голосе пряталась боль. В горле встал ком.

– Не знаю, Милая, как руководство определит, – я пытался сохранять стойкость. – Я постараюсь приехать как можно раньше.

Часы на перроне отсчитывали минуты до отбытия поезда, люди в суматохе сновали с большими сумками, а мы продолжали стоять, обнявшись. Нам многое надо было успеть сказать друг другу, поэтому мы просто молчали.

Всё-таки зря оставили детей дома с бабушкой, они бы нашли, о чём поговорить.

Поезд отъезжал всё дальше, а передо мной стоял её образ. Я знаю, она сейчас плачет. При мне она сильная и не даёт усомниться в её выдержке и характере, но стоит ей укрыться от моего взора, как она выплескивает эмоции наружу. Ей это нужно, ведь ко всем прочим испытаниям нашей любви ещё обрушилось испытание временем и расстоянием.

Душа разрывалась на части. Одна вопила и рвалась назад, к любимой, к детям, к семье, к родному дому, в котором я знал каждый гвоздик, а вторая мужественно держалась под натиском страшной бури.

Так надо. Это мужская работа, и кто-то должен её делать. Так будет лучше для моей семьи, ведь я смогу их обеспечить. Да и там я нужней. Рядом с такими же смелыми парнями я смогу принести мир многим людям.

Перебирая тысячи вариантов и находя всё новые и новые доводы в пользу своего выбора, в конце концов я уснул под монотонный стук колес. Поезду нет дела до твоих переживаний и мыслей. Он просто идёт по расписанию и ему невдомёк, что для кого-то это начало нового, неизведанного пути.

Чем ближе был пункт назначения, тем сильнее пробирал мандраж. Что ждет в новом коллективе? Как они примут? Там же звери, настоящие профессионалы.

Вечерами, собираясь с пацанами у БМП¹, мы, бывало, делились слухами об этих ребятах. Кто-то рассказывал об их стычках с противником в лесу, когда даже малыми группами обращали превосходящие силы противника в бегство. Кто-то упоминал их дерзкие вылазки в укрепленные районы неприятеля, где они сеяли такой шухер, что боевики ещё долго не могли понять, что произошло. Кто-то говорил, что на тренировках они специально не спят по пять суток и всё время двигаются. Даже ночью не останавливаются на отдых и кушают исключительно на ходу, чтобы приучить организм к настоящим стрессовым ситуациям. Если вообще едят, конечно.

***

Однажды мы видели их. Я помню тот день до мелочей.

Знойное солнце, безжалостно отнимающее наше желание жить, висело над пыльной дорогой, где наша колонна битый час ждала разрешения двигаться дальше. Но команды всё не

---

¹ Боевая Машина Пехоты

поступало. Впереди, на маршруте, в небольшом селе уже затихал бой. Перестрелка была насыщенная, звуки автоматных очередей перебивали рокот громогласных пулемётов и вся классическая симфония этих мест усиливалась выстрелами из РПГ-7 и тридцатимиллиметровой пушкой БТРа.

Маршрут проходил через чью-то боевую операцию, и наше руководство не владело информацией, иначе маршрут или время были бы изменены и подстроены под реалии обстановки.

А если информацией штаб не владеет, значит операция засекречена, значит работают спеццы.

В первые минуты, когда донеслась канонада очередей, все втянули шеи и на карачках, с удивительной прытью стали искать укрытие. Но через какое-то время, определив характер стрельбы и расстояние, большинство из бывалых успокоилось и стало собираться в кучки, где бурно обсуждало тот или иной звук, определяя вид оружия, который его производил. Не стреляный боец вряд ли поймёт, но привыкшему человеку по звукам перестрелки становится ясно, что происходит. Можно даже подсчитать примерное количество стрелков как с той, так и с этой стороны. А по интенсивности – предположить примерную продолжительность боестолкновения.

Бой начался дерзко и молниеносно. Значит, здесь не просто столкнулись две стороны, нет. Здесь кто-то угодил в смертоносную засаду, и, судя по тому, как быстро умолкали

ответные очереди, отличающиеся темпом и напором, устроили эту засаду крайне эффективно.

Звук пулемёта донесся первым, к нему подключилось десять-двенадцать автоматов. Сначала работали сначала исключительно длинные очереди, примерно по полмагазина², а потом очереди стали короче, но прицельнее и интенсивнее. В сбалансированный и отточенный оркестр время от времени втискивались беззубые и несуразные очереди. Они выбивались из всей, приятной для слуха любого военного, симфонии, словно двоечник не знал, когда ему начинать стрелять и насколько продолжительной должна быть его ария в тот или иной момент. Нет, этот стрелок точно не из той когорты, что остальной, слаженный до мелочей хор. Значит, это противник огрызается. Пока огрызается, ага. Оклемался, оправился после первого шока и пытается показать зубы. Но таких, не вписывающихся в мелодию очередей было не так много, и подавали голос они неуверенно, а это значит, что первые секунды засады проведены на высочайшем уровне и с максимальной эффективностью. Если большую часть отряда врага не уничтожили в первые минуты, то подавили точно. И сейчас боец, попавший в засаду, прижавшись к земле или стенке, лежит и боится поднять голову.

А вот и выстрелы из РПГ-7 полетели. Значит, командир определил места укрытия противника, отказывающегося отведать свинца, так любезно им ниспосланного ангелами воз-

---

² Магазины автомата на 30 патронов

мездия. То бишь ими.

Всем известно: не находишься долго за одним укрытием. Где не пробьет пуля, прилетит выстрел из гранатомёта и принесёт с собой проездной на тот свет.

Парадокс – и та, и эта воюющие стороны уверовали, что обязательно попадут в рай после смерти. Как так? Каждый вскакивает и с именем бога на устах бежит крошить противника, а Бог сидит сверху, ничего не понимая, смотрит на кровавую резню и, жмурясь от неприязни, устало шепчет: «Эй, вы чего? Ну чего вы? Эй! Я же вам и земли дал, и моря, и природу плодородием наделил, вы чего творите-то? Столько лет развития, а мозг так и остался как у инфузории. Скажите мне, идиоты, зачем мне такие головорезы в райском саду? Вот зачем, а? Ну пораскиньте мозгами. Что ты творишь, Антоша, что творишь-то! Своими мозгами! Не чужими по асфальту, а своими, дурья ты башка. Да куда ты его в грудь ещё контролишь? Посмотри внимательно, у него от головы-то ничего уже не осталось! Ты думаешь, если у него легкие целы, то он спокойно без головы будет бегать? Что же вы за люди такие? Дети, честное слово, дети».

Пулемёты смолкли, стволы автоматов тоже остывали после жаркой пальбы, значит дело шло к завершению. Сейчас будут редкие, короткие очереди, а временами одиночный огонь – ребята пойдут на зачистку места боя. Добьют тех, кто пытается огрызаться, а остальных, живых и раненых, возьмут в плен. Потратят ещё немного времени, чтобы собрать

трофеи, уничтожат всё, что невозможно забрать и покинут район. Промедление грозит новым боестолкновением и вместо того, чтобы вернуться с приданным после успешно проведенной засады, можно самим стать трофеем контрзасады. А по-другому никак, это же не дикий Запад, это Чечня. Здесь зевать настоятельно не рекомендуется.

Выстрелов больше не слышно, лишь черный дым напоминает о недавнем инциденте. Одна из сторон вышла победителем в противостоянии, и, судя по тому, что мы всей бандой не летим на помощь, боевики понесли поражение.

Хотя, зная, через какое место налажена связь между соседними подразделениями, можно предположить, что мы не в курсе, что там происходит и кто побеждает. И от греха подальше просто не лезем в этот ад. Мало ли, не разобравшись, можно и по своим влупить. Да и они могут встретить огнём, как бывало уже не раз на войне. Так что, не владея информацией, лучше не соваться. Кто-то правильно ведь сказал: «Не зная броду, не суйся в воду».

В тот момент, в возникшей паузе, мне вспомнился случай, как мы однажды двумя коробками³ (БРМ-1К⁴) выдвигались на задачу и проезжали через одно село. Обычный маршрут, всё как всегда, вот только что-то было не так в примелькавшейся глазу картине. Машины двигались по дороге с определенной скоростью, стараясь не замедлять темп, и каждый

---

³ Коробка – бронированная техника

⁴ Боевая Разведывательная Машина

из сидящих на броне ощутил тревогу. Люди! Точно, люди! В центре, на рынке, почти нет людей. А те, что были, торопливо собирались. Да, именно это не укладывалось в привычный ритм многолюдного села. Никто не поливал дорогу водой перед прилавками, защищаясь от столбов пыли, поднимающихся проезжающими машинами. Две женщины в платках на голове суестились за грубо сколоченными из необработанных досок деревянными прилавками. Они смотрели в нашу сторону с опаской и спешно прятали коробки с абрикосами вниз. Что-то не то. Не успев поделиться тревожными мыслями, я вдруг увидел причину перемен. Минуту назад были лишь смутные догадки, но, когда наша маленькая колонна продвинулась ещё на двадцать метров, всё стало ясно.

За каждым фанерным киоском, за каждым кирпичным забором, за любым маломальским укрытием, будь то арык или куча гравия, крылась угроза. Порванный полиэтилен, из которого местные сделали прилавки, колыхался на ветру, отвлекая глаз от неподвижных фигур в грязном камуфляже. Оказавшись в центре смертельной ловушки и глядя на обвешанных оружием бородатых мужчин, мы оцепенели. Наступила тишина, пугающий штиль. Картинки начали меняться как в замедленной съемке, время будто угодило в огромное желе и отказывалось идти как прежде. Вооруженные бойцы были одеты в разношерстные темные куртки поверх грязных и выцветших горок⁵. Под куртками просматривались выдав-

---

⁵ Горки – спецодежда, которая пользовалась популярностью в Чеченском кон-

шие виды нагрудные разгрузки, забитые магазинами и гранатами. У каждого – автоматы на изготовке и пальцы на спусковых крючках. Рядом с некоторыми на земле, а у кого-то за спиной мухи⁶. Бойцы расположились по левую сторону нашего движения, а значит сметать собираются шквалом, не глядя, не боясь попасть в своих на противоположной стороне. Что сказать, грамотно, черт побери. По отсутствию лишних движений и паники было ясно, эти ребята знают своё дело. Грязные, как всё вокруг, и сосредоточенные на цели, со смертоносными стволами, они медленно сопровождали нас глазами.

Всё, мы в самой комфортной для них зоне. Пора. Самое время прощаться с жизнью. Тишину нарушал лишь монотонный лязг наших гусениц по асфальту, который, подобно замедленному секундомеру, отсчитывал оставшееся нам время.

Механик-водитель, замороженный страшной картиной, как и все мы, словно загипнотизированная жертва, не сбавляя и не прибавляя газ, ехал в пасть хищнику.

Обвешанные магазинами, гранатами, с автоматами в руках, в беспальных перчатках и банданах, несмотря на всю крутизну внешней атрибутики, мы понимали: нам звездеч, братцы. Нас переиграли по всем фронтам. И почему, сука, в эти моменты время тянется так долго? Ты уже осознал беспо-

мощность, мысленно извинился перед родными, восхитился сноровке и наглости врагов и обматерил себя раз пятьдесят за глупость, а время всё ещё не сдвинулось ни на метр. Почему я измеряю время метрами? Да потому, что жить остается не пару секунд, а пару метров. Вот, почему.

Стрельбы нет. И только сейчас, в зловещей тишине, замечаю в сверлящих глазах что-то, не вписывающееся в атмосферу праздника. В них нет адреналина, нет огня, нет решительности. Лишь нервное недоумение и вопрос: «Откуда вы взялись, черти?».

Да, именно так. Они смотрели больше с укором, нежели со злостью. За осторожными движениями скрывалась готовность изрешетить нас в любую секунду. Но только в том случае, если мы решим предпринять что-то неправильное. А мы, слава Богу, не решились, потому что всё произошло настолько внезапно, что большинство успело только испугаться.

Знаете, чем отличается опытный боец от новичка? И тот, и этот в подобные моменты наложат столько кирпичей в штаны, что можно завод построить. Но бывалый вояка сможет дристать и анализировать ситуацию одновременно. О, эта суперспособность в критических ситуациях не сосредотачиваться на заднице, а переключиться на её верхнего собрата и, включив мозг, пытаться оценить обстановку, приходит только с опытом.

Судя по угрюмым и раздосадованным лицам, ребята жда-

ли не нас. На их лицах бегущей строкой была надпись: «Кто вы такие? Вас здесь только не хватало. Проваливайте быстрее, и только попробуйте шевельнуться».

Когда тебя вежливо просят вооруженные лбы, дважды повторять не надо. Механик-водитель, словно услышав наши молитвы, аккуратно прибавил ход. Чем дальше мы отъезжали от рыночной площади, тем сильнее механ вдавливал педаль газа.

Лишь отъехав километров на пять и присмотрев более — менее безопасное место для остановки, мы позволили себе взять передышку и стряхнуть нервное напряжение.

— Страшно было? — закуривая, капитан Боголей обратился к нам, спрыгивающим с брони и стягивающимся к нему.

Видно, что он храбрится, но легкая дрожь в голосе выдавала скопившееся напряжение. Его никто и никогда не посмел бы обвинить в трусости, он здесь давно и в неполные тридцать два повидал многое, но даже его, бывалого офицера, эта ситуация пошатнула не хило. Капли пота стекали из-под камуфлированной выцветшей кепки, небрежно сдвинутой на макушку. Автомат с потертым деревянным прикладом висел на груди. Командир всё ещё ждет опасности.

— Да их не так-то много там, ещё не известно, кто кого, — вставил сержант Редьков, старающийся в любой ситуации не терять авторитета. — У нас людей вдвое больше, плюс две брони и пушки на вооружении. Мы бы такой бой дали, что они бы берега попутали!

– Вдвое больше? Против такой засады надо иметь хотя бы десятикратное превосходство! – и заметив, что Редьков не сдаётся, капитан продолжил: – Ну хорошо, предположим, что их всего десять, а нас двадцать пять. Ты бы ещё предохранил снять не успел, как половина наших бы полегла. И где твоё превосходство было бы тогда? Простая математика. В считанные секунды вы становитесь практически равными по количественному составу, десять против двенадцати. И вроде бы можно воевать на равных, так?

– Конечно, нас же всё равно больше.

Несмотря на шум двигателя, мы старались не упускать ни единого слова сержанта и офицера.

– Нравишься ты мне, Редьков, но иногда такие глупости говоришь. Так, да не так. Твой противник приготовился, занял позиции, разбил сектора, приготовил гранаты, положил перед собой сменные магазины и крепко стоит на ногах, в то время как ты не владеешь обстановкой местности и даже не знаешь, куда бежать и где укрыться, чтобы принять бой. Это ещё минус пятьдесят процентов к твоему превосходству, – командир высказал то, о чём думал каждый, но мы так точно и лаконично не смогли бы сформулировать мысли. – А броня⁷, чтобы вы все успели спрыгнуть и укрыться, должна тормознуть. Да и ваши кровавые тела сверху лишат её башни маневренности. В итоге броня вместо подвижной цели будет стоячей грудой металлолома. На этот случай у них лежат гра-

---

⁷ БРМ – боевая развед. машина

натометы на изготовке. Видел? – не унимался капитан Боголей, не забывая просматривать окрестности.

– Видел, – неохотно ответил сержант.

– Видел. В том-то и дело, что все видели, и механ наш тоже видел и понимал, что машина в случае остановки станет для него же гробом. На такой дистанции любой подготовленный гранатометчик не промахнется в огромную неподвижную цель, – командир выкинул бычок и поправил разгрузку, лямки которой впивались ему в плечи. – Ну ладно, предположим, всё же человек двенадцать выжило и успело спешиться с брони. Как думаешь, какие шансы переломить исход событий?

– Уже хорошие, – не сдавался Редьков.

Репа упрям, как все уральские парни, и привык отстаивать позицию, даже переходя на аргумент силы. Здоровья у него хоть отбавляй, поэтому он часто оказывался прав. В основном, конечно, только для себя. Но это не тот случай. Сейчас перед ним капитан Боголей, уважаемый всеми боевой офицер, и сила здесь не аргумент, здесь только аргумент – аргумент.

– Возможно, ты прав. Согласен, в математическом аспекте варианты прекрасные, двенадцать против десяти. Но ты забываешь, что это люди, а не цифры. Это вам не компьютерные стрелялки играть. Это в вашей «Контра Страйк» просто циферки уменьшаются, а здесь на кону жизни твоих товарищей. Какой у тебя будет боевой настрой, если каждый вто-

рой товарищ окажется в луже собственной крови? А каждый третий станет орать и молить о помощи, потому что тело нашпиговано свинцом и теперь, мучаясь от боли, он медленно отдает концы? Морально отряд будет подавлен и разбит, а таким отрядом сложно управлять. Представил? Кучу мертвых товарищей и запах смерти? Ну и какой у тебя будет настрой? – взгляд капитана впился в опущенное лицо сержанта. Тот смотрел на свои старые берцы.

Слушая речь командира и представляя весь этот ужас, Репа, так мы его называли, уменьшался в размерах. Плечи свернулись, а голова произвольно опускалась. Но крайний вопрос заставил его встрепенуться, вырваться из оков угнетающих мыслей. Его лицо покраснело, а в глазах сверкнула ярость.

– Боевой настрой у меня будет! Боевой! Я им всем покажу, из чего мы сделаны! Я за каждого отомщу, за каждого из наших! – выдал он, сжимая автомат до белых косточек.

Командир ещё минуту стоял молча, стараясь не испортить эту минуту, позволяя невольным слушателям проникнуться мгновением. Каждый, глядя на сержанта, понимал, что тот говорил как есть. И не дай Бог кто-то навредит хоть одному из наших, он обязательно его найдет и именно с таким выражением лица исполнит сказанное. Каждый в тот момент почувствовал, что сделает то же самое, если кто-то перейдет дорогу боевому товарищу. Боевое братство, мать вашу!

– Ну всё, не кипи. Я знаю, что ты будешь сражаться до

последнего, – с отцовской улыбкой сказал командир.

Он пытался запугать нас реалиями, цифрами, логикой сейчас, вот прям здесь, пока страх владел разумом. Но мы прошли проверку, в очередной раз прошли. В бою не всегда побеждает математика и тактика, многое решает боевой дух. А в разведку со слабым душком не берут.

Вдруг, на рынке, где мы только что проезжали, началась яростная канонада. Все инстинктивно сжали холодную сталь автоматов и начали нервно осматриваться.

– Дождались, – тихо резюмировал командир.

– Там что-то происходит! Совсем рядом прям, командир! – указывая в направлении села, затараторил подбежавший Батон.

Мы посмотрели на него с удивлением, потом друг на друга и снова на него. И тут всех пробрал хохот. По очереди, хватаясь за животы, усыкались все.

Юра, молодой боец, за выдающиеся способности получил позывной Батон. Он мог спать в любом положении, в любом состоянии и в любое время суток. На армейском сленге слово «спать» иногда заменяется на равнозначное прилагательное «батонить». Что означает «прикинуться булочкой и спокойно лежать на полочке». Архимед некогда произнес сильную фразу: «Дайте мне точку опоры, и я поверну Землю», но наш Юра пошёл дальше и вывел личную формулу: «Дайте мне точку опоры, и пусть весь мир подождёт». Чудеса эквилибристики он показывал постоянно, а апогеем искус-

ства стало его умение засыпать стоя на тумбочке дневального. Чтобы вы понимали всю невозможность данной затеи, поясню: на тумбочке дневального, размером пятьдесят на пятьдесят сантиметров и высотой в десять, боец стоит два часа по стойке смирно. По стойке смирно! Но для нашего Батона нет ничего невозможного, когда он хочет спать, а спать он хочет всегда. Однажды он оловянным солдатиком рухнул с тумбочки дневального, разбив губу. После этого система стабилизации Батона ввела поправки. Вуаля! Его удивительный организм, попав в армию, приспособился и ввёл новый режим курсовой устойчивости. Режим сна стоя! Ну разве армия не творит чудеса, а?

И вот сейчас, в череде событий, никто не заметил, что Батон всё это время благополучно спал. Мы уже раз пять мысленно простились с жизнью, мусульмане приняли христианство, христиане успели сделать себе обрезание, а он в царстве Морфея прохлаждался! Счастливый человек, что скажешь. И помрёт ведь с закрытыми глазами, не успев испугаться.

– Чё вы ржёте? Рядом стрельба идёт, а вы ржёте, – обиделся Батон.

Но все продолжали смеяться, не в силах связно произнести два слова. Возможно, перенесенная нервозность нашла

наконец-то выплеск эмоций через смех, потому что смеялись до колик, искренне. Спасибо тебе, Батон, ты даже не понимаешь, как разрядил обстановку. Все были уверены, что на этот раз сержанты не поведут его в сушилку учить уморазуму. Простят. Ей-богу, простят.

– По машинам! Надо убираться отсюда, – как можно серьёзнее произнес командир, смахнув слезу. Посмотрев на Юру, он вновь засмеялся и, добавил: – Глаза и уши армии, блин.

Вереницу моих воспоминаний о неприятном и в то же время позитивном случае прервал шум приближающихся коробок. Моторы надрывно ревели, броня летела на всех парах. Звук шёл со стороны недавней перестрелки, где об инциденте напоминали клубы черного дыма. По мере приближения скорость уменьшалась для того, чтобы издалека определить наш настрой. У боевиков в этих краях бронетехника не водилась. Но с другой стороны, всегда лучше перестраховаться. Мало ли.

Подняв ладонь в качестве приветствия, они медленно, стараясь не пылить, проезжали на БТРе⁸ мимо нашей колонны.

Другие вояки, бывало, пролетят, и ты ещё минут пятнадцать задыхаешься в облаке пыли. А эти, эти всё понимают, словно чувствуют всё. Пыль плотным слоем лежала на обветренных лицах, на пересохших губах виднелась насыпь песка,

---

⁸ БТР – бронетранспортер

и среди шума ревущих моторов я, казалось, слышал скрежет крупинок на зубах вояк, когда те улыбались. Несмотря на усталость, что читалась в глазах, они улыбались. Улыбались не потому, что им было хорошо, нет. Они смотрели на нас с сочувствием, осознавая, что каждый присутствует на войне не по своей воле. Глядели на нас, вчерашних школьников, и не понимали, как таких молодых парней занесло в безжалостную мясорубку.

Вопреки усталости, вопреки страшному обезвоживанию организма, вопреки всему они улыбались только ради того, чтобы приободрить нас, не стреляных юнцов.

Сколько бы ужасных историй мы ни рассказывали друг другу об этой группе спецназа, какими бы демонами их себе ни представляли, на вид они оказались обычными, добродушными парнями. Глаза горят, улыбки на лицах, ну прям одуванчики. Ни за что бы не подумал, что они могут быть угрозой. Вот проколешь ты колесо на трассе, пока будешь репу чесать да кумекать, с чего бы начать, вот такой вот рубаха-парень остановится, из машины выбежит, одной рукой твою тачку поднимет, другой колесо поменяет, хлопнет тебя по плечу и с криком «Бывай» умчится в точку по своим делам. А ты, открыв рот, стоишь и думаешь, где здесь ближайшая больница, чтобы уточнить: у тебя открытый перелом плеча или закрытый?

Вот такими они мне показались в первую встречу. Экипировка, уверенность в движениях и особый взгляд выделял

спецназовцев из общей массы. Складывалось впечатление, что они беглым взглядом просканировали сразу всё и всех. Не задавая вопросов, не вступая в диалог, они уже знали, кто мы, куда движемся и на что способны. В их глазах застыло спокойствие и они не пытались кем-то казаться, нет, они знали свои силы и какой уровень задач им доверяют, но при этом смотрели на нас, зеленых солдатиков, как на равных. И у меня, как и у многих товарищей, где-то глубоко внутри зародилась гордость. На миг мы стали одним целым с этими, уже не раз доказавшими свою отвагу, мужчинами. Они приняли нас за своих. Нас, сопливых молокососов, которые в мишень-то не всегда попасть могут! Мы вдруг оказались с ними на одной ступени. И каждый, непроизвольно выпячивая грудь, всем видом кричал: «Спасибо. Мы не подведём».

Глава 3. Три скрипа

По адресу, по которому надо прибыть, оказалась закрытая база на окраине города. Поздним вечером движение в районе было слабым. Фонари на столбах светили через один, кусками освещая дорогу. Мелкие холодные капли плотным туманом повисли в воздухе, скрадывая свет фонарей и придавая атмосфере таинственный объём. Вечер неуютно зябкий. Я брёл вдоль ничем не примечательного высокого бетонного забора. Кустарник напротив него скошен с обеих сторон дороги. Знамо, почему – с фугасами. Натянув капюшон и застегнув воротник в безуспешной попытке спрятаться от сырости, я шёл в прохладной мгле в неизвестность. Где-то вдалеке вечерней суетливой жизнью шумел город. Временами, когда охватывали приступы паники, желание развернуться и идти к ярким городским огням, усиливалось настолько, что ему невозможно было противостоять. Вот почему так? Вроде ничего не происходит, а ты идешь и переживаешь! Думаешь, как тебя встретят, что сказать, как себя преподнести, чтобы не испортить впечатление. Погруженный в мысли, я совсем не заметил, как меня догнала разношерстная колонна техники. Нашу броню всегда слышно за километр, лязг гусениц сложно не услышать. А здесь вся техника на колесах, но её приближение выдавал лишь шум мотора. Двигатели работали не на всю мощь, и колеса шли легким тем-

пом по асфальтной дороге. Наверное, поэтому я и не смог их услышать заранее. Громкий противный сигнал вытащил из раздумий, заставив мое замерзшее тело зашевелиться и отпрыгнуть на обочину. Вот почему конструкторы сделали такие пугающие сигналы? Нельзя было что-то помелодичнее поставить? Нет же, нашли самый гадкий звук и запихали в автомобили! Хотя нет, самый гадкий звук издает будильник. А вот на втором месте уже автомобильный гудок.

Первым шёл УАЗ Патриот, за ним два БТРа, следом тентованный КАМАЗ и Газели. Колонна обошла меня, и сверкая стоп-сигналами, остановилась у ворот, к которым я направлялся. До точки икс оставалось совсем немного.

Не успел я подойти ближе, как вся техника отлаженным манёвром проскользнула внутрь, и массивные металлические ворота закрылись. Подойдя к проходной, я ещё долго стоял и не решался нажать кнопку вызова. Перебирая сотни вариантов ответов на вопросы, которые могут задать, я загонял себя в тупик.

– Вы что-то хотели? – приглушенно спросили из встроенного динамика незаметного в сумерках домофона.

Только тут я увидел многочисленные камеры, стоявшие по всему периметру и на воротах. Всё это время с одиноко бредущей по дороге фигуры не сводили глаз. Кто наблюдал, не знаю, но то, что наблюдали, это факт! Голос повторил:

– Вы что-то хотели?

– Да, я – Новенький.

Что за глупость я сморозил? Какой Новенький? Я новый сотрудник! Такой же, как они. Блин, выгляжу как дебил!

В узкой бойнице слева блеснул холодный ствол. Возможно, автомат торчал там постоянно, просто в тени я его не заметил, но сейчас он заставлял поежиться. Вы знаете, неприятно стоять вот так ночью, у высокой и безликой стены, когда на тебя нацелены видеокамеры, прожектор и автоматы.

– Мне приказано прибыть сегодня по этому адресу, – добавил я увереннее.

За мной с гулом затворились откатные ворота. Тяжелые, массивные, они выезжали на рельсах из стены. В момент закрытия край ворот заходил в специальный паз, где оставался ударом об опору. От тяжелого и мощного удара колючая проволока дребезжала нервным звоном. Волна импульса словно шла по забору, разгоняя ночную тишину вокруг охраняемой базы, и возвращалась с другой стороны, замыкая круг, будто напоминая, что обратной дороги нет.

Процесс проверки документов, личности и доклад дежурному о вновь прибывшем занял не более пятнадцати минут. Всё это время я находился под чутким взором трёх автоматчиков в черном камуфляже. Стояли грамотно, веером. Если попытаться что-то сделать, любой спокойно полоснёт меня очередью, не боясь попасть в товарища. Так что убежать или достать оружие не получится. Единственный вариант – идти на сближение с кем-то из них, тогда никто не сможет открыть огонь, боясь зацепить напарников. Но и этот вариант про-

вальный, потому что дистанцию каждый выбрал правильную, и стоит мне сделать пару шагов к кому-нибудь из них, они, не целясь, наспигуют свинцом в упор. То, что успеют вскинуть автомат, даже сомнений нет. Не зря же предохранители сняли заранее и палец держали на спусковой скобе. Сами всё прожигают взглядом. Мне даже показалось, что втайне они умоляли выкинуть какой-нибудь номер. Тогда ребята быстренько сделают из меня дуршлаг и спокойно пойдут греться в дежурное помещение, по пути обсуждая бытовые пустяки, словно ничего не было. Нет, по людям в форме видно, они – профессионалы, и желания дергаться у меня не возникало. Простите, парни, но не дам вам возможности повеселиться. Уж лучше постою здесь смирно дождусь, когда вы закончите с проверкой.

«Сто метров прямо по дороге», – именно так объяснили путь в штаб.

До штаба добрался без проблем, здесь соблюли пару формальностей и отправили расселяться.

Место проживания определили в седьмом модуле – жилом металлическом вагончике синего цвета, утепленном пенопластом и обшитом изнутри вагонкой. Стояли такие вагончики в линии, формируя что-то типа своеобразных улиц.

Путь проходил через стоянку, на которой расположилась недавно проехавшая колонна. Моторы ещё работали на холостых оборотах, в свете зажженных фар шла разгрузка. И без того рослые спецназовцы, одетые в броню и полную эки-

пировку, казались машинами из фильмов про киборгов. Игра теней в туманной мгле добавляла картине красочности.

Вновь стало непонятно, что я делаю среди прожженных бойцов? Смогу ли доказать, что достоин стать одним из них?

Меня никто не замечал. Пока парни разгружали имущество и ящики с боеприпасами, я украдкой любовался оружием, аккуратно разложенным на площадке перед мощными прожекторами БТРа. Видавшие виды автоматы Калашникова с затертыми до неузнаваемости прикладами и содранной краской на крышках ствольных коробок говорили о том, что ребята не расстаются с оружием.

Пулемётчик, лязгая лентой, поставил пулемёт на сошки. Другой парень, стоя на БТРе, подал товарищу гранатомёт и портплед⁹ с выстрелами. Трое водителей собрались у КАМАЗа и что-то бурно обсуждали, пока четвертый полез под днище. Не было ни криков, ни команд командира, только слаженная работа и дикий гогот.

Обсуждали потешный момент, произошедший на сегодняшней операции.

Кто-то должен был тихонько открыть ворота изнутри двора, но, когда перелез через забор, шмякнулся с таким шумом, будто обронили кастрюлю с болтами. Кто-то уточнил, что это вовсе не кастрюлька, а котелок. И судя по звуку удара, пустой котелок. Дружный гогот раздался с новой силой. Представьте себе картину, как рыцарь в доспехах, закинув

---

⁹ Подсумок для выстрелов РПГ-7

полкорпуса на лошадь, вдруг перевешивается и под восторженный смех публики летит головой вниз. Примерно это произошло в сознании, когда я слушал рассказ. Бронжилет и шлем весят не меньше, чем рыцарские доспехи. И этот трёхкилограммовый шлем может внести дисбаланс даже в отточенные движения натренированного тела. Но наш «рыцарь» обвинял в своём эпичном пике товарищей-переростков, которые вместо того, чтобы аккуратно подсадить, в выплеске адреналина просто перекинули его во всей амуниции через трёхметровый забор. Расскажи мне кто такое, я бы засомневался, но глядя на дышащих силой парней, сомневаться перестал. Это же ходячие катапульты. С такими, если силу не рассчитают, можно не только через забор перелететь, но и в огороде очнуться. В соседском. Через два дома. На радость всем история на этом не закончилась. Оратору не хватало воздуха. Всхлипывая, он продолжал повествование. Из тщетных попыток, по обрывкам, я понял следующее. Горе-взломщик, очухавшись, скрипя чем только возможно, битых двадцать секунд пытался открыть калитку ровно до того момента, пока во дворе, издавая злобный рык, не появилась хозяйская собака. Вот тут-то наш герой в считанные секунды открыл замок, калитку, ворота и заодно получил сверхспособность бегать со скоростью звука. Вы слышали фразу «Одна нога здесь, другая там»? Так вот, фраза никакого отношения к делу не имела, потому что обе ноги «рыцаря», увидев собаку, бежали наперегонки, забыв про тело и килограм-

мов тридцать экипировки. Пока повернутая голова с ужасом смотрела на псину, ноги уже забегали за угол. Чем дальше шел рассказ, тем громче все смеялись. Но процесс разгрузки не прекращался ни на секунду. Он хотел что-то добавить, но подошедший человек мягко ударил под дых и попросил прекратить нести чушь. Выйдя на авансцену, он объяснил чудесной публике, что на самом деле это не падение с забора, а необходимый манёвр. Чтобы не находиться в секторе возможной стрельбы, ему пришлось применить всю сноровку и максимально быстро прижаться к земле. Да, с высоты забора грациозно, плашмя он приземлился сразу в положение для стрельбы лежа. Такое неподвластно даже тибетским монахам. И собаки, которая, по его словам, была размером с быка, он не испугался, а просто соблюдал дистанцию. И, если кто-то станет много говорить, в следующий раз пойдёт первым.

Первым, если честно, готов пойти каждый, но это не значит, что у кого-то есть такое желание.

Смех не умолкал, и в этой идиллии чувствовалась слаженность и взаимопонимание коллектива.

На улице перед модулем тихо. Основная часть только приехала с задачи, а те, кто остался на базе, вышли узнать, как всё прошло и заодно помочь разгрузить технику. Как я заметил позже, здесь никого не надо просить. Неважно, чем ты занят, выйти встретить товарищей обязан. Это – негласный закон подразделения.

Снаружи модуль выглядел как железнодорожный вагончик, только без шасси и в несколько раз меньше, а внутри – вытянутое узкое купе с тремя двухъярусными кроватями по бокам. В маленькой комнатухе приходилось ютиться шестерым здоровым мужикам. И если кто-то уходил в отпуск, то другие вздыхали с облегчением. Ведь шестеро мужиков на восемнадцать квадратов жилплощади... Ну, знаете, такое даже Коммунистическая Партия Китая не одобрила бы! В нашем случае выбирать не приходилось.

Всё пространство, не занятое кроватями, изобиловало различными полками и приспособлениями для хранения оружия, экипировки и личных вещей. Проход между кроватями настолько узкий, что поставленная мной спортивная сумка сразу перегородила его. А сами кровати были по-настоящему родными. Самые что ни на есть советские, металлические, скрипучие кровати, которые после увольнения со срочной службы я надеялся никогда больше не видеть. Ну да, как же, не увидел, блин.

***

В армии есть игра «Три скрипа», знаете? Если нет, то вы многое в жизни потеряли. Эта увлекательнейшая игра развивает одновременно скорость гепарда, точность кобры, ловкость пантеры, цепкость паука и способность задерживать дыхание дольше пятнадцати минут, а в случае необходимости даже остановить сердце. Видели фильм «Миссия невыполнима» с Томом Крузом в главных ролях? Над эпизодами,

где он, вися на веревке, балансировал в сантиметре от пола, не издав ни звука, мы с сослуживцами просто смеялись. Чтобы обучиться этому, не нужны годы тренировок, достаточно советских двухъярусных кроватей с сеточками, безумной усталости и парочки злых сержантиков. Правила гениальны и просты до невозможности:

Время – вечер;

Состояние – все измотаны и мечтают о сне (впрочем, как всегда, иначе армия – не армия);

Дислокация – казарма, расположение роты, где порядка ста кроватей, расставленных в шесть рядов и восемь колонн с проходами между ними размерами примерно в один метр;

Особые условия – злой (ну или просто скучающий) сержант;

Сопутствующие условия – кто-то, где-то, когда-то упорол косяка (условие необязательное, при необходимости может быть выдумано сержантом);

Вот теперь, когда вы представили общую картину, начиная вводить в суть игры. Близится самая святая минута каждого солдатского дня, когда дневальный подаёт долгожданную команду: «Рота, отбой!»

Каждый в предвкушении момента, когда голова наконец-то соединится в одно целое с жесткой, но всё же любимой подушкой, а брненное тело сможет принять горизонтальное положение. И тут, как в фильмах ужасов, звучит устрашающий голос: «Кто хочет сыграть игру»?

И, когда все в ужасе замирают, отказываясь верить своим ушам, в воцарившейся тишине становится как-то особенно гадко. Негромко, немного смакуя, сержант выносит кошмарный приговор: «Играем в три скрипа! Время пошло!»

Всё, сомнений быть не может, ночь будет долгой. Представьте стадо из ста бизонов, которые в бешеной панике сби- вают всё и вся на пути. За жалкие двадцать секунд каждый должен раздеться, уложить, как положено, по швам, обмун- дирование на стул и успеть занять позицию лежа. А после того, как сержант досчитает до двадцати, не издавать ни еди- ного, мать его, звука! Ни единого!

Если вы по своей гражданской наивности думаете, что это легко, то заблуждаетесь, как слепые не пуганные котята. В первый раз не все успевают даже лечь! Вы только представь- те, как кто-то висит на кровати второго яруса. Полкорпуса уже закинул в ложе, а ноги, словно сосиски, болтаются в воз- духе. Это самое незавидное. Руки немеют, железная рамка всё глубже втыкается в ребра – такой точно дольше пяти ми- нут без скрипа не протянет. Максимально оттягивая время, преодолевая боль в затекших суставах, помолившись всем богам и заранее молчаливо извинившись перед сослуживца- ми, он попытается бесшумно поднять ногу на постель, чуть- чуть улучшая положение. Как тут же у всех в ушах, и с болью на сердце, отдается ненавистный скрип.

«Раз!» – тут же громогласно возвещает голос сержанта, который в данную минуту на редкость внимателен к каждо-

му бойцу.

И если вы думаете, что оставшиеся девяносто девять носорогов успели занять позицию горизонтально и не издадут ни звука, то будете правы. Но это будет, в лучшем случае, лишь с третьей или четвертой попытки.

А пока... кто-то неправильно положил подушку под голову, и теперь у него ломит шею и терпеть это долго невозможно. кто-то умудрился впопыхах лечь на руку, и она онемела. кого-то цифра «двадцать» застала в моменте, когда он тянулся за одеялом, лежавшим в ногах, и теперь он замер в позе «присел за ведром», кто-то просто лёг очень неудобно, у кого-то сильно чешется нос, у кого-то глаз, а у кого-то яйца, будь они неладны.

И вот, не в силах терпеть, ты думаешь, что движение пройдет настолько плавно, настолько невесомо, что скрип не раздается.

Не тут-то было, не на того напали, салаги! На этих кроватях уже несколько десятков поколений проваливали игру раз за разом! Неужели вы думали, что всё будет так просто? Не зря высоко ценились советские инженеры. Они создали эту адскую конструкцию так, что любое малейшее движение диверсанта не оставалось незамеченным.

«Два скрипа!», «Три!», «Рота, подъём!»

И вот тут начиналось веселье. Выбегая на центральный проход, впопыхах соображая строй, через секунду мы уже падали лицом вниз. Отжимаясь на кулаках до потери пульса,

мы материли тех, кто не смог продержаться. Затем наступало время примирения, все вставали в ряд, обнимали товарищей по несчастью за плечи, формируя цепь, и приседали всем строем одновременно. Естественно, под счёт. А как по-другому? Мы же братья! Мы – одно целое! Мы ух-х! Когда у кого-то из бойцов отказывали ноги, другие были обязаны кроме своих изможденных тел тащить вверх ещё и его тушу. Тогда уже никто не ругался, тогда всем просто хотелось добраться до кроватей и всё забыть.

После того, как больше половины уже просто не могло встать и никак не реагировало ни на угрозы, ни на удары, приходило время просветления. Не сходя с мест, все в обнимку садились на пол и под счёт сержанта качали пресс. В этот момент каждый постигал дзен.

Все, как один, молили об одном: «Товарищ сержант, родненький ты наш, милосерднейший из всех справедливых, боголикий. Дай нам, юродивым, шанс выжить на этой земле. Теперь, когда мы прошли все круги ада, дай нам, грешникам неуклюжим, ещё одну попытку доказать свою выдержку. Ты только дай отбой, и мы обещаем, что через пять секунд в мертвой тишине на этих кроватях ты с умилением узришь сто застывших мумий, которые готовы так пролежать хоть тысячу лет, лишь бы этот потный, наполненный невыносимым смрадом и изнывающей болью мышц ад больше никогда не повторился».

Но круг повторялся вновь и вновь...

Эх, армия, веселое было время. Всегда есть, что вспомнить.

Не думал, не гадал, что вновь увижу эти гениальные изобретения. Да и где? В офицерском спецназе! Хотя что офицеры? Они тоже люди. Только люди, осознанно выбравшие нелёгкий и опасный путь.

***

Света в модуле мало. Тусклая лампочка на потолке создавала эффект подводной лодки. Стены из некрашенной, потемневшей вагонки скрадывали свет и пространство. Под одной из коек валялся пояс с гранатами. РГДшки¹⁰, причём запалы вкручены. Если бы всю картину увидел мой бывший замполит, его бы хватил кондратий.

Представьте: заходите в вагон купе, а там над каждой койкой на стене, словно на стенде, висит по три автомата и четыре пистолета. Разнообразие вооружения зашкаливает. Автоматы различного калибра и модификации: от зарекомендовавших себя Калашниковых до специзделий ВАЛ¹¹, ВСС¹² с оптикой и малогабаритный автомат «Вихрь» с глушителем.

А пистолеты... От бесшумных и скрытоносимых ПСС¹³ до автоматических пистолет-пулеметов «Вересков». В общем, для многих мужчин это рай на земле. Как будто спишь в хо-

---

¹⁰ РГД 5 – ручная граната наступательного типа

¹¹ Автомат специальный бесшумный

¹² Бесшумная снайперская винтовка

¹³ Пистолет самозарядный специальный

рошо оснащённом оружейном магазине под стендом с образцами вооружения.

Всё стрелковое оружие просто висело на стенах. Ни тебе металлических дверей, ни решёток, замков, ничего. Даже ничем не привязано. Если вдруг, противник решит напасть, пока все спят, и на свою беду забежит в модуль, любой из ребят, не выходя из дремоты, лениво потягиваясь на кровати, одной рукой накроет себя подушкой, чтобы шум выстрела не спугнул его богатырский сон, а второй схватит оружие, что висит ближе к голове, и вежливо попросит супостата не шуметь. Навсегда попросит.

И, стоит заметить, хоть оружие и висело на саморезах, простенько вкрученных в деревянную обшивку тесного вагончика, в этом чувствовалась некое изящество. Перфекционист бы точно оценил выверенные линии развешенной вороненой стали.

Вещи висели где придется: от дужек кроватей до натянутых под потолком веревок.

Разгрузки находились отдельно на вешалках в самодельной имитации открытого шкафа. Шкаф, сколоченный из обычных досок, не имел ни задней стенки, ни дверей, а поверхность необработанного материала так и норовила всадить занозу. Просто, открыто, функционально. Сами же вешалки сварили тут же, на улице, из обрезков металлической трубы и гвоздей-двухсоток, которые загнули в вопросительный знак. Никто не удосужился их покрасить. Видно, что всё

делалось наспех, и упор во всё на простоту и надежность. Конечно, богема бы не оценила стиль, но здесь нет богемы. Здесь собрались простые парни, романтики, которые жизнь товарища и спокойствие Родины ценят выше комфорта. На ближайшие годы этот арсенальный склад станет для них, и для меня, домом.

Шум на улице отвлек от осмотра помещения. Вдруг стало неловко от того, что я зашел внутрь без хозяев. Неизвестно, как примут ребята, если, конечно, примут. Мало ли. Открыв дверь и озираясь, я вышел на улицу. Напротив модулей, как нельзя кстати, стояли самодельные скамейки из пеньков и досок.

Долго ждать не пришлось. Через минуту, весело споря, из-за угла появилась вереница богатырей в камуфляже. Судя по тому, как изменились голоса и темп разговора, меня никто не ожидал увидеть.

– Уже прибыл? – напротив остановился высокий мужчина.

– Так точно! – заученно, вскакивая и чеканя каблуками, отпартовал я.

По голосу я бы дал спросившему спросившему лет сорок. Он был крепкого телосложения и держал осанку прямо. В темноте это бросилось в глаза первым.

Любопытные взгляды окруживших меня будущих сослуживцев дополнились легкими улыбками.

Представьте: вы на безлюдной улочке, ночью, между ме-

таллическими гаражами, с почти нулевой освещенностью, и тут появляется толпа вооруженных до зубов детей без опознавательных шевронов, без знаков различия, да и без лиц вовсе. У каждого вместо лица черно-зелёный грим вперемешку с засохшей грязью. Все молчат и выжидательно на вас смотрят. Что делать в такой ситуации? Сразу видно, по мелочам не размениваются. Таким цацки не нужны, телефоном и деньгами не отвертишься. Если уж что и захотят забрать, то только вашу жизнь. И ведь не отмахнетесь, сами отдадите, лишь бы не задерживать столь милых ребятешек. Отдали им жизнь по-быстрому и пушай дальше идут по своим делам. Ещё этот грим на лицах..... Такое ощущение, что на тебя смотрят шахтёры прямоком из адовой кочегарки. Горн разожгли и ждут лишнего движения, чтобы сопроводить в преисподнюю с ветерком.

– Расположился? – продолжил допрос всё тот же.

– Никак нет. Жду остальных. Там чьи-то личные вещи и оружие, поэтому решил ждать на улице.

– Надо же, – с ухмылкой ответил он. – Не доверяешь себе, значит?

В темноте, кроме направленных на меня глаз, вновь появились белозубые улыбки.

– Да нет, себе я доверяю, просто не знал, как другие воспримут, – я опустил взгляд.

– Ладно, сегодня отдыхай, а завтра в десять ко мне, – и обернувшись к толпе, мой собеседник добавил: – Бурый, от-

вечаешь за него.

Удивительно, он их как-то различает.

– Бурый принял.

Встретили душевно. Накормили, напоили, всё показали, да спать уложили. Естественно на втором ярусе, а как ещё. Первый ярус уже давно заняли и расписали на долгие годы вперёд.

Глава 4. Сушилка

Мне вспомнился первый день в разведроты. Я тогда впервые приехал в Чечню и ничего не понимал.

Когда мы прибыли в расположение роты, время было уже позднее, все спали. Свет в полку ради экономии отключали по ночам. В казарме было темно даже в проходе. Мне тогда указали кровать и сказали ложиться, всё остальное завтра. Спать хотелось очень. В армии любой переезд сопровождался многочисленными построениями и проверками личного состава, так что вымотался изрядно. В Чечню нас закидывали по воздуху, ведь дороги часто минировали и на путях следования колонн боевики устраивали засады. Я впервые летел в вертолёт. В общем, за день эмоции били через край, и поэтому, нащупав кровать, я не стал ждать повторения приказа и с блаженной улыбкой лёг спать.

– Эй, вставай. Ты же из Башкирии? – разбудил меня чей-то голос минут через сорок.

– Так точно.

– Пошли в бытовку, с тобой земляки хотят познакомиться.

Пока мы шли по темной казарме, я пытался разглядеть плакаты на побеленных стенах в свете ручного фонаря идущего впереди провожатого.

В бытовке сидело троё.

– Ты, что ли, из Башкирии? – первым заговорил здоровый парень, сидящий справа от.

Насколько я смог разглядеть в тусклом свете переносной лампы, здоровыми были все трое. По гражданским майкам и тому, насколько вальяжно они сидели на неудобных табуретках, догадка сама пришла на ум: дембельский состав отдыхает.

Первым бросился в глаза огромный нож «Скорпион», воткнутый в середину стола. Нож назван в честь формы, напоминающей жало скорпиона. Хоть оружием здесь и нарезали колбасу, лежащую на клочке армейской газеты, его вид настораживал.

Кроме колбасы недопитая газировка «Колокольчик», пустые стаканы и крошки хлеба, который здоровяки, видимо, поленились нарезать и просто ломали руками.

– Так точно, из Башкирии.

– Повезло тебе. Знакомься, Адам – твой земляк, – сказал другой, не скрывая добродушной улыбки.

– Да подожди ты, сам разберусь, – одернул его первый.

Земляк был внушительных размеров. На гладко выбритой голове, в районе левого виска, красовалась татуировка в виде летучей мыши. В тот момент мне захотелось набить такую же. Позднее я отказался от затеи.

Разговор шёл в обычном русле, вопрос-ответ. Я продолжал стоять посреди небольшой комнаты напротив «праздничного» стола, когда в окно постучали. В помещение сна-

чала проникли две бутылки водки, а за ними затащили два тела.

– Тимур, смотри, твой земляк. Только сегодня привезли, – сказал второй вошедшему через окно гостю.

В глазах Тимура блеснул огонь. Не, не так. В пьяных глазах пошатывающегося Тимура блеснул нехороший огонёк.

– С Башкирии? – подходя ко мне, он одновременно складывал пальцы в замок и разминал кисти рук.

Я был готов ответить «так точно», но что-то подсказывало, что ответ ему не интересен. Предчувствие не подвело, и мысленные фрустрации вопиющим образом прервал удар правого локтя в подбородок.

Повернувшись к честной компании уважаемых дембелей, Тимур, скаля зубы словно гиена, выдал:

– Земляка надрать, словно дома побывать.

Шутка зашла. Смеялись все. Кроме меня, естественно. Если бы рот не заливала кровь, возможно, я бы оценил творчество молодого Петросяна, но сейчас я пытался не сплюнуть на пол кровавую слюну.

Зря. После удара под дых она вылилась сама. Согнувшись, я схватился за живот и ожидал добивающего удара, но тут услышал возглас второго. Как потом узнал, его звали Астраханец.

– Э, тормози, чё творите-то! – воскликнул он, вставая со стула. Как же я был ему благодарен, хоть кто-то решил противостоять беззаконию и беспределу. В тот миг он стал мо-

им героем. Пока не произнес следующие слова: – Вы ща здесь всё загадите. Идите в сушилке веселитесь, здесь не надо грязь разводить. И дневального позовите, пусть уберёт всё.

Всё, как всегда, прозаично. Ты думаешь, что кто-то заботится о тебе, ан нет, он заботится только о своём благополучии, а ты просто случайно очутился на одном пароме с его планами.

Сушилка оказалась рядом, за стенкой. Небольшая комната, со множеством вешалок и батареями вдоль стены, предназначалась для сушки белья, но на деле зачастую использовалась для подпольных боёв.

Вся толпа переместилась в своеобразный октагон, чтобы лицезреть развязку поединка. Удары, что Тимур наносил, прижав меня к стенке, не причиняли большого вреда. Я уже знал повадки противника, и его удары не заставляли врасплох. Астраханцу, видимо, надоело смотреть, как Тимур бесполезно отрабатывает удары на живой груше, и он, решив ускорить финал поединка, спросил меня:

– Чё ты ему не врежешь? Он же твоего призыва. Недели на две раньше тебя приехал.

Как? Что? То есть ваш наглый собутыльник моего призыва?

Я-то думал, что это проверка и нужно выстоять, а оказалось, что какой-то душара, пару раз сбегав за водочкой для стариков и испив с ними рюмочку горячительного напитка,

так поверил в себя, что решил подмять под себя молодых. Ну разве не гнида? Вцепившись руками в глотки, мы повалялись на пол и душили друг друга, иногда сдабривая бока глухими ударами. Публика оживилась. Ненавидя выскочку всем своим деревенским происхождением, я старался больше задеть его открытые места. Победить не получалось. В каждом движении чувствовалось, что он сильнее, но мне было плевать. Я пытался ответить на каждый удар. Теряя сознание от удушья, я душил в ответ. Получая удар по рёбрам, пытался нанести два.

Не знаю, сколько мы так прокувыркались по полу, но зрителям надоело наблюдать, и они вспомнили о водке.

– Так, всё, харе. Пошлите пить уже, водка стынет. Новенького спать отправьте, пусть отдохнёт с дороги.

«Какое великодушие-то! Спать отправьте. Разбудили среди ночи, отмудохали, а теперь, видите ли, вспомнили, что с дороги. Спать. Спасибо! Низкий поклон вам до земли, добры люди», – подумал я и поковылял обратно, темным коридором, до своей постели.

Что-либо спрашивать или разговаривать с кем-либо я не стал. А с кем? Никого не знаю, лиц не разглядеть, даже дневального завтра не вспомню. Да и не хочу. Вытирая разбитую губу, я шёл за дневальным к заветной постели. Первый день закончился, отлично. Но, как говорится, не спеши в камышы...

Уснул быстро. Проснулся ещё быстрее. Наверное, прошло

каких-то двадцать минут после того, как голова коснулась уже родной подушки, как я почувствовал обжигающий удар ладонью по спине. Вскочив от боли, я сел. Простыня, которой я укрывался, скатилась вниз.

– Ты чё, собака бешеная, грязный спишь?! – надрывно орал на меня кто-то, ослепляя большим фонарём. Голос был раздраженный и незнакомый. Его обладатель точно не присутствовал на ночном представлении в честь моего приезда.

– Я тебя спрашиваю, грязь ты не добитая, какого хрена ты чумазый лёг? – продолжали кричать на меня, тыкая фонарём в глаза.

Вскочив по стойке смирно, я ответил заученную за полгода в учебке фразу:

– Виноват. Исправлюсь!

– Ещё и босиком на грязный пол! Ты откуда, свинья? Я тебя сейчас так прокачаю, что твоя мама мне лично приедет спасибо сказать за то, что из такой свиньи, как ты, сделаю чистоплотное животное! – почти сжигая моё лицо фонарём, продолжал заводиться мужик.

Судя по голосу, ему лет тридцать, и, скорее всего, он контрактник.

– Свинья и есть чистоплотное животное, – ответил я под нос, нащупывая ногами тапки.

– Что? Бегом в умывальник! Я с тобой сейчас поговорю! Лещ из темноты придал мне ускорения и решимости.

– Чего стоишь? Я сказал в умывальник бегом марш!

Опасаясь ещё одного леща, я засуетился, дергаясь то влево, то вправо. Затем, вжав голову, всё же решился спросить: – Я бы рад, но где умывальник? – Ты издеваешься?! – захлебываясь слюной, закричал сержант.

– Никак нет, – я безучастно вытер брызги с лица. – Поставленную задачу выполнить не могу, так как не знаю координаты конечной цели и маршрут выдвижения, что в условиях плохой видимости сводит реализацию операции к нулю.

Видимо, зря я это сказал. Процессор сержанта не был готов принять такую информацию. Затрудняясь выдать словесный ответ, сержант схватил меня за шиворот белуги¹⁴ и грубо вытолкал в коридор. Дальше, объясняя пинками и несвязными ругательствами лучше всякого навигатора, четко навел на помещение, где стояли умывальники. Вот, что волшебный пендаль и мат животворящий делают. Магия.

Умывальники стояли в два ряда по обе стороны центральной перегородки, которая на уровне лица отделана зеркалами. Сержант с грохотом установил на ближнюю белую металлическую раковину фонарь, и тот, отражаясь от зеркала в потолок, рассеивал свет в помещении. Схватив за шею освободившейся рукой, а другой вывинчивая скрипучий кран, меня, как слепого котёнка, окунули мордой в воду. При этом сержант продолжал что-то орать. Из всей тирады слух четко вылавливал знакомые до боли матерные слова. Остальная

---

¹⁴ В армии нательное белье белого цвета

речь, я так понимаю, шла лишь для связки мата. Всё лилось так складно, что походило на молитву, которая избавляет от грязи как на лице, так и на душе заблудшего поросё. Так сказать, ритуал полного очищения.

– Ты, урод, гля, у тебя, сука, и руки грязные, гля. Белугу, сука, всю испоганил! Ты, гля, откуда, сука, такая свинья? Я тебя, сука, научу родину любить, жеваный крот! – не прекращал молебную песнь сержант.

– Парфен, тормози, – из темноты появились Адам и Астраханец.

– Да вы, гля, посмотрите на эту чумазую обезьяну, жеваный крот, – возмущался Парфен. – Она, гля, умудрилась, так в постель залезть.

– Да это Тимур его так по полу повозил, поприветствовал земляка, – усмехнулся Астраханец.

– А Тимур-то куда лезет?! – удивился Парфен, заводясь ещё больше. – Кто ему разрешил? Рано ему ещё крылья раскрывать!

– Ну, так получилось, тормозить уж не стали. Решили посмотреть, как продержится молодой, – с улыбкой пояснил Адам.

Похоже шоу зрителям понравилось.

«Здорово вы придумали. Видите ли, «решили посмотреть». Супер. Ничего не скажешь», – очищая волосы от засохшей крови, подумал я.

– Ну а какого хрена, гля, это животное идёт и грязным

ложится спать? – не унимался Парфен. – Эй, я тебя спрашиваю, обезьяна.

Держа голову над раковиной, чтобы окровавленная вода не стекала на пол, я приподнялся и повернулся к сержанту.

– Так откуда мне знать, где умывальник? Старший лейтенант Колчин привёл меня в казарму уже ночью, указал кровать и сказал «все вопросы завтра». Потом меня разбудили, познакомили с земляками и снова отвели спать. За первый час пребывания в казарме изучен всего один маршрут: кровать – бытовка – сушилка – кровать. Это офигенно насыщенный маршрут, после которого желание задавать вопросы отпадает напрочь.

Я заметил, что ответ их веселит. Видимо доходит абсурд.

– И как тебе знакомство с земляками? – громко заржал Парфен.

– Идеальное. Один даже успел дома побывать, – я сплюнул красную слизь в раковину.

Уже смеялись все. Кроме меня, естественно. Странно, конечно, но настроения чё-т не было.

– Гля, ну ты же мог мне сказать, что тебя отмудохали и ты не знаешь, где умывальник?

– Когда тебе мощным фонарём поджаривают мозг, не совсем ясно, кто с тобой разговаривает. Да даже если бы и было видно, откуда мне знать, что можно говорить, а что нельзя? Я же тут ещё ничего не знаю. В первый же день стать стукачом не очень перспектива. Да и не ожидал я, что за час два

раза успею под раздачу попасть.

В смеющихся глазах ребят появилось уважение. Но как показала практика, бить меньше от этого не стали. Наоборот. Ведь каждый, разглядев потенциал, хотел вложить свои знания. Обычным способом же это делать лень, поэтому только через кулаки и прокачку. Гениально же, ну.

***

Почему сейчас, прибыв в расположение спецназа, я вспомнил срочную службу в армии, ведь здесь всё по-другому. Возможно, именно поэтому и вспомнил. А возможно потому, что в голове больше вопросов, чем ответов, прям как тогда, в первые дни службы. Но здесь, в спецназе, как бы парадоксально это ни звучало, люди добрее. Здесь люди намного проще. Это чувствуется. Здесь никто никому ничего не доказывает, потому что первое же дело всё и без того покажет.

Всё будет хорошо, я уверен. Если что не так, парни прикроют.

Знакомство с коллективом проходило очень быстро. Закрытый периметр и рабочий режим двадцать четыре на семь делали своё дело.

Совсем недавно я смотрел на этих ребят снизу вверх, как на жестоких и бесстрашных головорезов, упивался историями о спецоперациях, перечитывал сводки. А сейчас я сидел с ними за одним столом, слушая военные истории из первых

уст и заряжался энергией.

Парня, так весело рассказывающего историю при разгрузке машин, звали Гамлет. Настоящий весельчак компании. На любом празднике, будь то День Пограничника, День Разведки, День Внутренних Войск или День ВДВ, он всегда был своим. Ибо по его рассказам, прежде чем прийти в подразделение, он успел послужить во всех родах войск. Спросите меня, как он везде успел? Я повторюсь, «по его рассказам», а там – кто его знает. Ну умеет человек войти в доверие, что поделать. При своём не самом крупном телосложении, Гамлет, не боясь, шутил над всеми и никто на него не обижался. Благодаря красноречию и умению найти общие темы он слыл любимчиком девчонок.

Однажды его отправили на обучение в Москву. Заведение серьёзное и, как подобает, режим соблюдался даже в общении. В общем, не загуляешь. В то же время на этаж подвели девушку. Статную, красивую, и, судя по тому, что Гамлету не хватало рук показать всю широту её женской души, формы были впечатляющие.

– Да вы что, да там, да это, да я тебе говорю, – именно так звучало описание девушки со слов Гамлета.

Если Гамлету не хватило эпитетов описать её более детально, не захлебываясь собственными эмоциями, значит там действительно была как минимум Моника Беллуччи. Да. По жестикуляции рассказчика всё указывало именно на неё.

Гамлет говорил, как она, обворожительно улыбаясь, от-

шивала раз за разом паломников, обивающих порог её двери. И делала она всё это с такой женственностью и шармом, что парни даже на обратном пути продолжали по-идиотски улыбаться.

Посмотрев со стороны, Гамлет всё же нашёл время подойти к ней. Он понимал, что со своим средним ростом, грубыми чертами лица и небольшим шрамом на виске, мягко сказать, выглядит не очень конкурентоспособно. Даже краснодарский загар и черные густые волосы никак не выделяют его в разнообразии поклонников. Принимая во внимание исходные данные, он чётко осознавал, что его крейсеру «Аврора» не под силу взять штурмом жгучую черноглазую бригадиршу. И как бы ни манила её шикарная корма и пышные паруса, перспектива оказаться на кладбище разбитых кораблей Гамлета не радовала.

Просчитав всё наперёд, он сказал ей прямо:

– Извини, тебя достали уже. Я понимаю, что буду сотым в списке, кого ты вежливо пошлешь, но я не подкатываю. Мне нужна помощь, – шокировав прямоотой и завоевав внимание, он осторожно изложил просьбу.

Так как у них сто процентов ничего не выйдет, он уговорил её помочь в другом деле. Каждый раз, когда Гамлет приводил новую пассию в общежитие, то подавал знак, и Моника скидывала свой пропуск из окна. По этому пропуску барышня благополучно входила в общежитие и делила ночь с нашим героем, жадно упиваясь его рассказами. В перерывах,

естественно.

Всё гениально и просто! А? Какая задумка! Какой полёт мысли! Вот такие находчивые люди и нужны в нашей работе. Браво, Гамлет!

Кстати, благодаря находчивости черноволосый герой стал единственным другом Бригантины, с которым можно было спокойно поговорить. И да, за частыми беседами она всё-таки что-то разглядела в грубоватом, но открытом и загорелом парне. Ну, в общем, вы поняли, к чему всё пришло. И как ему это удастся? Остается лишь разводить руками и аплодировать стоя. Шекспир бы прослезился и переписал пьесу, если бы не почивал уже несколько столетий в церкви Святой Троицы. Хотя, если бы ему там кто-нибудь рассказал, думаю, он бы не поленился встать и лично познакомиться с современным Гамлетом.

Глава 5. 7:00

Раннее свежее утро. За окном светает, но влажный туман не сулит ничего приятного. Кто придумал утреннюю зарядку? Почему мнение одного жаворонка всегда выше мнения десяти сов? Совы ведь тоже люди.

Учитывая, что спецназ работает в основном по ночам, было бы великолепно вставать на зарядку в обед. А к вечеру, когда мозг наиболее активен, заниматься теоретической подготовкой. Круто было бы, ну.

На часах 7:00.

Упорно продолжаю делать вид, что ничего не слышу, когда ужасная трель будильника перфоратором проникает в мой череп. Это не мне. Это не моё. Нет. Пожалуйста, забудьте о моём существовании и не вспоминайте больше никогда. Ну, или хотя бы ближайшие пару часов. Кто-нибудь, разбейте эту адскую машину! Я ведь не многого прошу.

7:01.

Будильник всё трещал и трещал, заполняя адской какофонией каждый закоулок сознания. Спускаться со второго яруса к нему, значит открыть глаза и шевелиться, чего делать очень не хотелось.

Передо мной остро встала дилемма: притвориться мертвым или всё же натянуть на себя одеяло. Вот ещё одна странность, одеяла у нас военные, такие знаете, синие, полушер-

стяные, с черными полосками, которые на складе ещё со времен СССР лежат. Когда ложишься спать, оно неприятно колется, а вот когда просыпаешься, нет ничего нежнее и ближе сердцу, чем солдатское одеяло. Вот такая метаморфоза происходит за ночь. Восьмое чудо света, никак иначе.

Идея зарыться головой под подушку подальше от ужасного звука привлекала всё больше, но страх, что обман раскроется, останавливал порыв.

– Вставай давай. Жизнь проспишь! – раздражающе бодрым голосом крикнул Бурый.

Ситуация критическая, операция близка к провалу. Нужно срочно что-то предпринять. Главное пока не двигаться и не подавать признаков жизни. Идеи вспыхивали одна за другой. Решение пришло почти сразу, но его на долю секунды опередил удар по ребрам, и мой гениальный план так и остался никому не известен.

– Вставай, говорю, здесь няньки нет, никто тебе кофе в постель не принесет, – оскалился Бурый.

– Да нафиг кофе, можешь хотя бы будильник выключить? – шутливо спросил я, накрываясь одеялом.

– Мы побежали, догоняй.

Бурого назначили моим наставником. Не знаю, приносило ли это ему удовольствие, но мне с ним однозначно повезло. Телосложением он особо не выделялся, рост под сто восемьдесят, волосы русые, короткая стрижка, атлетический торс, блеск в глазах и всегда добродушная ухмылка. Порядочность

и мужскую дружбу он всегда ставил на первое место. Если у вас есть хоть один друг, который человеческими качествами похож на Виталию, то вы счастливчик. Берегите его. О себе он заботиться будет в последнюю очередь, ведь жизнь товарища для него важнее. И это не просто слова. Но есть в нём и минусы, конечно, огромные минусы. Зарядку любит и не даёт поспать лишнюю минуту. Да, я сам в шоке. Ну, что поделать, идеальных людей нет.

Самым трудным было вылезти из-под одеяла. А сейчас, на трассе меня не удержать. Вдыхая утренний, ещё не пыльный воздух я летел на расправленных парусах. Кроссовки почти не касались холодного и влажного асфальта. В наушниках играла очередная подборка, и казалось, что сейчас всё вокруг – лишь декорации фильма. Моего фильма. В котором только я, музыка и мои мечты.

Впереди показалось два серых силуэта, которые предстояло обогнать. Ну кто так бежит на зарядке? Такое ощущение, что пенсионеров вывели на прогулку. Судя по состоянию спортивных костюмов, ребята служат уже давно. Да и густые усы с пробивающейся сединой одного из них подтверждают эту догадку. Но это же не даёт права быть черепахами? Независимо от выслуги лет и заслуг, каждый боец спецназа должен держать себя в форме – и точка! Другого не дано. А они еле передвигаются, словно груз сверху давит. Ладно, сейчас обойду на вираже, подзадорю старичков.

– Физкульт-привет! – вынимая наушник, бодро отрапор-

товал я коллегам и прибавил ходу, словно бегу не три километра, а всего-то стометровку. Главное – продержаться темп до поворота, а там можно и притормозить.

– Кто это? – услышал я отдаляющийся голос.

– Новенький, – безучастно ответил второй.

Поворот скрыл их из виду, а наушник водворился на законное место, погружая в собственный мир.

Нет, я не против вас, старички. Вы – наш боевой опыт. Вы – наши многолетние знания. Вы потом и кровью сделали имя нашему подразделению и продолжаете его гордо нести. И если вам понадобится помощь, я не раздумывая сделаю всё, что потребуется. А пока вы – стена, которая прикроет растерянного неопытного салагу. Да, в подразделение отбирают людей с боевым опытом, но ведь невозможно предусмотреть все ситуации. А вы их прошли более, чем достаточно. Вы – герои для всех молодых парней, когда-либо державших автоматы. Но не я против вас, против вас время. А оно безжалостно даже к заслуженным бойцам спецназа.

Спецназ – это механизм, который не должен сбоить. Спецназ – машина, работающая автономно на максимальных оборотах вдали от помощи и поддержки. У неё нет права на остановку. Поэтому, если деталь не может работать на сто процентов, её необходимо заменить. Заменить без эмоций и сожалений, пока не стало поздно. Иначе всему механизму придёт конец. Никто не бросит уставшего товарища на задаче, придется тащить на себе. Это замедлит группу, отвлечёт

боевые единицы от работы, что грозит невыполнением задачи. И смертью.

Обгоняя мысли, я подбежал к спортгородку, похожему на те, что стояли во дворах всех школ Советского Союза. Железные трубы различного диаметра, сваренные в простейшие конструкции. Рукоход, брусья, шведская стенка и турники – постоянные атрибуты спортгородков.

Народу на турниках было много. Так принято. Утром это самое людное место. Здесь можно растянуть залежавшиеся за ночь мышцы, вытянуть позвоночник, прокачать пресс, обсудить всё, что не успели обсудить вчера, подзадорить друг друга, да и просто загаситься¹⁵ от бега. В общем, отличное место сбора. Опытный командир уже на зарядке видит, кто с каким настроением проснулся. Случилось ли у кого что за ночь и кто вчера сидел допоздна. По помятым лицам и резкому запаху мужского одеколона изо рта легко вычислить последователей зеленого змия. Выявив различные ячейки, в которые сбиваются подчиненные, командир может узнать интересы тех или иных групп. Когда знаешь группу, сразу видишь неформальных лидеров. А воздействуя на лидеров, можно держать под контролем всех. Всё гениальное – просто. Грамотный командир никогда не расслабляется, он даже за столом, незаметно для многих, проводит анализ каждого действия подчиненного, и знает, как улучшить результативность группы.

---

¹⁵ спрятаться, укрыться

– Всем привет, – я протянул руку каждому, закрепляя утреннюю церемонию рукопожатием.

Улыбающиеся лица, доброжелательные взгляды, мне определенно здесь нравится.

Один парень, не обращая внимания на вытянутую ладонь, прошёл мимо. Наверное, не заметил. Хотя посмотрел на меня и поначалу отвёл глаза.

– Чего уставился? – резко развернувшись, выплюнул он, пока я, пытаюсь понять, что происходит, провожал его взглядом.

– Я не уставился, просто поздороваться хотел, – я так и стоял с вытянутой рукой.

– Я спрашивал, что ты хотел? Я спросил, чё глазёнки на меня вылупил?

– Да тихо ты, Аскет. Чего кипишь-то? – вмешался Черкес, и, обращаясь уже ко мне, добавил: – Чего опаздываешь?

– Наверное, снилась знойная дама со спелыми окружностями, и, как истинный джентльмен, ты не хотел оставлять её одну, а? – подначивал с ухмылкой Барс.

– И только парус по утрам о женщинах напоминает нам, – тут же поддержал Черкес, засмеявшись.

Эти двое всегда вместе, оба среднего роста и даже похожи, только Черкес брюнет, а Барс русский. Они всегда поддерживают друг друга, но умудряются постоянно спорить. Могут полчаса ржать над кем-то, подкидывая новые темы, и тут же сцепиться на три часа, доказывая исключительную право-

ту. И ведь не встрянешь в спор, потому что каждый до последнего винтика многочисленного оружия любит свою работу. И каждый по своей специальности знает всё досконально. Это как два профессора математических наук на глазах у первокурсника отстаивают именно своё решение задачи Коши для параболических систем второго порядка с непрерывными коэффициентами. Вот. Именно это я чувствовал, когда дискуссия ударялась, например, в обсуждение бушинга¹⁶ шейки гильзы и влияние джампинга на точность полёта пули.

– Рано ещё девушкам снится, только приехал с большой земли, – усмехнулся Гамлет, словно угадывая мои мысли. – Он еще не понимает, что происходит. Смотрите, как всё разглядывает. Наверное, уже хочет обратно, на мягкий диван, трескать домашние пирожки и смотреть любимый телевизор, а не на ваши вечно ржущие рожи, да ещё и в семь утра.

Остальные смотрели на меня и выкидывали заготовленные шутки. Одна круче другой, ага. Всё, жертва сегодняшнего утра найдена. Точнее, назначена. Надо сделать пометку больше не опаздывать, иначе можно опять стать почетным гостем в передачу «Аншлаг», где собрались отборнейшие юмористы.

Но и в последующие дни мне не удалось побороть любовь ко сну. От предназначения не уйдешь, говорил я, и продолжал уговаривать себя каждое утро не реагировать на чертов

---

¹⁶ Втулка, формирующая дульце гильзы, обеспечивающее обжатие пули.

будильник.

Я не понимал, как Бурый умудряется так легко вставать за несколько минут до будильника? Ну правда? Пока я искал ответ на извечный вопрос, утро начиналось как под копирку: проснулся Бурый, проснулся будильник, толкнули в плечо, зазвучали мои притворства, мольбы, уговоры, предложения подкупа, и когда уже ничего не сработало, проснулся я.

– Куда так несёмся, молодежь? – подходя к турникам, спросил усатый, которого я обогнал на трассе.

– Так ведь времени нет, надо везде успеть, – отшутился я.

– Смотри, в гонке за жизнью можно пропустить саму жизнь, – парировал седовласый.

По лицу я бы дал ему лет под пятьдесят, но физическому состоянию позавидовали бы многие призывники. Широкие плечи, накаченная грудь, втянутый живот и весь этот антураж завершал рассудительно—отцовский взгляд.

Как я позже узнал, он – заслуженный ветеран службы, которого все уважительно называли по отчеству, Алексеевич.

Глава 6. Сейф

– Так, кто хочет в Моздок сегодня скататься? Рыбака надо в отпуск проводить, – начал командир совещание с хорошей ноты.

Я сидел с краю, пытаюсь не привлекать внимания. Тишина за секунду исчезла. Все, кто находился в классе, тянули руки и наперебой предлагали свои кандидатуры.

– Да шучу я. Просто проверил, слушаете вы меня или нет. Вам лишь бы в Моздок вырваться, – улыбнулся командир. – Всё давно решено. Едут Хомяк, Каскад и Фанат.

– А чё молодого-то отправляете? – возмутился Гамлет. – Он ещё не всё освоил.

– А ты хочешь, чтобы я тебя к девчонкам отпустил, а его на задачу взял? Всё, отставить разговоры. Хомяк – старший. За Фанатом присматривай, пусть он потихоньку адаптируется. Информацию принял?

– Принял, командир. Рыбачка доставим в лучшем виде, – Хомяк озарил класс довольной улыбкой, всех издевательски оглядев.

– Так, Новенький, готовь деньги, угощаешь сегодня. Я тебе одну кафешку покажу, таких жареных карпов ты ещё не пробовал, – как только совещание закончилось, меня начал обрабатывать Каскад – коренастый парень с открытой улыб-

кой.

– Новенького в следующий раз раскрутим, а сегодня пусть этот жид за отпуск проставляется, – кивая на Рыбака, сказал Хомяк.

– Сам ты жид, – как всегда вскипел Рыбак. – Попробуй не съесть всё, что я закажу. Жид. Офигеть. Только и знает, что хомячить. Все в холодильник ложат, а этот только достает.

– Кладут, – рассмеялся Хомяк, получая удовольствие от вспышки гнева друга.

И правда, взведенный Рыбак выглядел забавно. Особенно смешно было слушать как он, пытаясь опередить мысли, тараторит и проглатывает окончания слов, всем видом показывая, что вместо разговоров сейчас предпочёл бы кулаки.

– Да уж, класть ты умеешь. Особенно на товарищей.

– Всё-всё, не кипятись, куманёк. Лучше подумай, чем угощать будешь.

Карпы были действительно вкусные. А прохладный «Тархун» просто залетал после двух часов удушливой дороги. Четверо широкоплечих парней... Ладно, трое здоровых парней и я, в не приметно-серой девяносто девятой¹⁷, мчались по пыльной дороге, да под палящим солнцем. Так себе удовольствие. Но поездка того стоила. Только проезжаешь границу и пару блокпостов, как попадаешь в совершенно другой мир. По улицам гуляют девушки в легких платьях, красивые, улыбающиеся. Глаз радуется настолько, что никого

кроме них не замечаю. А ассортимент блюд в излюбленных заведениях не чета скромному вагончику возле нашей базы, который переделали под кафе. И в котором из меню в основном жареные окорочка, макароны, рис и гуляш.

В пруду, на краю пригорода, возле простеньких пластиковых столиков, плескались рыбки. Птицы радостно щебетали, на столе расставили тарелки с салатами и газировку, а за поясом торчал пистолет. Впечатления от поездки складывались весьма приятные. Пока ждали заказ, я заметил, как небольшая лягушка выползает на камни под нашим помостом. Вроде бы картина обычная, но изо рта хищницы торчит хвост рыбки. Для меня было открытием, что лягушки охотятся на мальков, о чём я поделился с товарищами.

– Смотри, Хомяк, прям как ты, ест больше, чем весит, – не упустил возможность укусить куманька Рыбак.

– Ну у меня хоть в мышцы уходит, а у тебя – в подушку для стрельбы лёжа, – оскалился круглолицый Хомяк, похлопывая друга по животу.

– Да убери ты руки, – резко отбив ладонь, Рыбак втянул живот и поправил воротник-стойку. – Помнёшь сейчас, а мне ещё домой ехать.

– Ты эту клетчатую рубашку полгода не надевал, я уже хотел её на тряпки пустить, да чё-т она слишком страшная для этого, – продолжал смеяться Хомяк, ещё больше заводя Рыбака.

– Это твоя жизнь страшная. Не одевал... Куда мне её, в

столовую или в горы?

– Ну да, в такой даже в горы-то стрёмно идти, – Каскад бросил пренебрежительный взгляд на серую рубашку в крупную клетку.

– Слышите, модельеры, ещё слово – и у лягушек сегодня будет пир! – парировал Рыбак, поднимаясь в боевую стойку, и угрожающе рассек воздух выпрямленными ладонями, словно ниндзя.

– Всё—всё, успокойся, каратист, – ударяя по плечу, сказал Хомяк, и показал в направлении столов. – Карпов принесли.

Пока выдалась пауза, я быстро проверил лягушку. Хвост уже почти исчез в пасти. И как она целиком проглотила?

Нежная рыба быстро исчезала во рту, оставляя масло на пальцах и губах.

Когда Рыбак под чутким надзором Хомяка, ворча, рассчитался за обед, до поезда оставалось минут сорок.

На вокзале парни достали большую сумку из багажника и поставили её на бетонный блок, которыми здесь оградили пути подъезда к вокзалу. Недорогая, прямоугольной формы, черная спортивная сумка с белой надписью «Puma», одиноко ждала на возвышении, пока мы прощались с отпусником. Похожие сумки продавали на любом рынке; они умещали весь необходимый гардероб, который постоянно кочевал с хозяином. Либо они, либо клетчатая сумка челнока, выбор небольшой.

– Ну чё, давай, хорошего отдыха, – Каскад пожал Рыбаку

руку.

– Смотри, не сотрись там, – добавил Хомяк.

Попрощавшись, ребята пошли к машине и потянули меня за собой, оставив Рыбака искать билет в карманах.

– Приготовься, – заговорщически шепнул Каскад.

– А что такое? – я с опаской оглянулся.

В этот момент Рыбак схватил сумку за ручки и рывком попытался закинуть её на плечо.

Лямки с громким треском лопнули. Пока Рыбак стоял в оцепенении, пытаясь понять, что происходит, Хомяк с Каскадом, покатываясь со смеху, запрыгнули в машину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.